

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

РИСК – ЭТО
НАША РАБОТА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Риск – это наша работа

«Автор»

2004

Самаров С. В.

Риск – это наша работа / С. В. Самаров — «Автор»,
2004 — (Спецназ ГРУ)

Не тот человек подполковник Разин из спецназа ГРУ, который может попасться в лапы чеченским боевикам. Ну, а если попался, значит, подполковнику так было надо. Теперь он ведет по горным тропам банду Шерхана к пещере, в которой спрятаны, пять миллионов долларов. Пять миллионов «зеленью» – мощный магнит. Он притягивает к себе не только Шерхана. Что ж, пускай стервятники слетаются к пещере, подполковник мелочиться не любит: чем больше цель, тем легче поразить ее...

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА 1	5
1	5
2	9
ГЛАВА 2	13
1	13
2	16
ГЛАВА 3	20
1	20
2	23
ГЛАВА 4	27
1	27
2	30
ГЛАВА 5	34
1	34
2	37
ГЛАВА 6	41
1	41
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Самаров

Риск – это наша работа

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

1

Карандаш сердито стучит по карте.

– Они обязательно выйдут. Обязательно!

Лампочка в комнатке изжелта-тусклая, а подполковник Разин светится мрачным довольством, когда параллельно карандашу поднимает указательный палец восклицательным знаком, словно грозит им кому-то неведомому, и своих подчиненных привлекая к вниманию. На руках у подполковника тонкие велосипедные перчатки – закрывают только кисть, и сами пальцы оставляют свободными, в том числе и для угроз. И при работе хоть с карандашом, хоть с оружием это удобно.

На столе перед подполковником лежит матово-потертая на сгибах ламинированная карта. На карте – «АПС»¹ в жесткой пластмассовой кобуре, рядом с пистолетом – чай в коричневой керамической полулитровой кружке, под кружкой – блюдечко с трещиной по цветочку. Блюдечко – чтобы карту не портить. Не сервиз, но все-таки аккуратно, и соответствует боевому нестабильному быту мобильной группы. Подполковник только что кружку поставил. Чай парит крутым кипятком на прохладном воздухе. И лишний раз подчеркивает, что осень пришла быстрая и холодная, без дождей. Сразу в заморозки людей окунула, как в прорубь. Выходишь утром за дверь, и под ногами мерзло хрустит, ломаясь, только что облетевшая листва.

– Дзгоев никогда не упустит возможность полакомиться таким куском. Из этого вся его жизнь состоит. Однако неприятность в том, что место слишком хорошо просматривается – каждый подход на виду, и мы не знаем, кто из жителей села на него работает, хотя видим по результату – работают. А у нас там, к сожалению, никого...

– Попроси Парамошу, он тебе за сутки пятерых стукачих найдет... – даже не улыбнулся тяжелым взглядом стабильно суровый майор Паутов. Голос у него по весу взгляду уступает мало. Словно в пустое ведро говорит. – Только, Саша, учти – алименты за него сам платить будешь, поскольку с Парамоши спрос малый – команду выполнял.

– Естественно, из «черной кассы» батальона, как официально признанные за общественно полезные деяния... – добавил капитан Ростовцев.

У Ростовцева на руках полные перчатки, хотя и такие же тонкие, как у командира, и только на указательном пальце правой руки сам палец голый – чтобы лучше чувствовать спусковой крючок. Такие перчатки менее удобны для боя, но это необходимость – прикрывают экзему. И потому капитан их снимает только на ночь.

---

¹ «АПС» – автоматический пистолет Стечкина. Пластмассовая кобура, прикрепляясь к рукоятке пистолета, позволяет создать приклад и вести более прицельную стрельбу.

Старший лейтенант Парамонов тихо дремал, сидя на корточках, прислонившись плечом к стене, и, не открыв полностью глаза, захотел вскочить, услышав сквозь дрему, что говорят о нем. Но ноги от неудобного сидения затекли, и он пошатнулся, чуть не упал, вызвав общий смех и разрядив деловую напряженную обстановку.

Лицо у Парамоши не сказать чтобы слишком странное, но несколько непривычное. Деревенского Иванушку-дурачка напоминает, заблудившегося среди стада родных коров. И никто не подумает, что у этого парня два высших образования – недавно, в дополнение к военному училищу, заочно университет осилил. Говорить он любит много, пусть и не всегда поймешь о чем, а вот что всех очень удивляет – почему Парамошу, при его внешности, женщины любят, как кошки валериану... В пять минут договаривается. И за двадцать семь лет жизни трех жен на бегу сменил.

– Если его дервишем нарядить... Там его примут... – Разин не улыбается, когда другие смеются. По крайней мере, лицом. Только в глазах золотые искорки проскальзывают. Но тухнут быстро. – Вернемся к действию! Предложения?

Смех стих, хотя улыбки так быстро не спрятать.

– Вы сами, товарищ подполковник, сказали... Нарядить... – единственный из всех, высказался Парамоша. – Маскарад!

– Ну? – Разин поднял над картой взгляд вместе с бровями. В одной фразе вопросов больше, чем это позволяет сделать орфография.

– Неужто, господа мужики, мы все настолько дураками выглядим, что даже за врачей не прокатим? Да еще за ненашенских...

«Господа мужики» вошло в речь старшего лейтенанта вместо «господа офицеры», когда по поводу последнего обращения некий высокопоставленный генерал из Генштаба, услышав это, сделал Парамоше замечание: «В Российской армии уже почти восемьдесят лет существует обращение „товарищ“! Это прекрасное слово не нуждается в корректировке младших чинов...» Парамоша понял, корректировать не стал, не стал даже рассуждать о том, сколько лет существовало в Российской армии обращение «господа офицеры», потому что не уверен был в математических способностях генерала. И не спросил, какую корректировку предлагают старшие армейские чины – «господа генералы»? И заменил в своем лексиконе выражение «господа офицеры» на всем доступное и не имеющее возражений – «господа мужики».

– А если кто-то не согласен, чтобы его «мужиком» звали, пусть хоть «голубым» зовется, хоть импотентом... – сказал, правда, чуть погодя, когда генеральский след остыть успел.

И генералы сыты, и офицеры целы...

Сейчас «господа мужики» возражений не вызвало. В опасных точках генерала редко встретишь.

– Смотри-ка... – Паутов удивлен. – Парамоша у нас и во сне слышать может, о чем мы рассуждаем.

Старший лейтенант не спал уже больше суток. Прошлой ночью опять с местным снайпером ходил на «охоту». Нужную цель показывал – чеченского снайпера. Третий заход был. И опять неудачный. Цель не появилась. И если раньше днем мог отоспаться, в последний раз не удалось. В «зачистке» участвовал. Потому и в полудреме.

Разин вдумывается в предложение старлея. Рассуждает медленно, мысли на вес прикидывая. Так камень в руке подбрасывают и думают, как далеко такой можно бросить.

– Ну, ладно... Рану ты, предположим, обработать сможешь, если к тебе боевик обратится... А если к тебе бабка восьмидесятилетняя завалит с геморроем... Что ты ей посоветуешь?

– Старика найти! Боевого, как петух... – ни минуты не сомневается Парамоша.

– Резонно. Это, говорят, лечит... Все болячки... – Паутов встал и отхлебнул чай из командирской кружки.

– Не налей, – Разин отобрал кружку и сам сделал несколько маленьких глотков, глядя при этом напряженно в карту.

– Вот от такого чая у тебя сердце и болит, – не остался в долгу майор. – Даже в зоне чефир по кругу пускают. А ты его от жадности единолично потребляешь.

– Маскарад... – повторил подполковник и осмотрел всех своих офицеров.

Их девять человек вместе с ним. Отдельная мобильная офицерская группа бойцов спецназа ГРУ.

– Наверное, Парамоша прав. Я не вижу иного варианта. Не зная, откуда Дзгоев появится, мы никак не сможем его определить. Разбредемся по тропам – собраться не успеем. Рядом сядем – он носа из норы не высунет. Только одно и остается...

– Предположим, четверых ментами вырядим... – предложил Паутов. – Должна же быть охрана. Это его не спугнет. Батухан ментов не побоится. Двое за водителей «прокатят»...

– А трое станут медработниками... – подытожил Разин. – Только попрошу под белый халат не натягивать бронежилет! И все должно стать хорошо!

– И вытесним из персонала всех медсестер... Что ж тут хорошего? – не согласился Парамоша. И оглядел группу, словно требуя поддержки.

– Одну, персонально для тебя, попросим оставить.

– Главное, чтобы австрияки не вякнули, – сказал капитан Ростовцев. – А то упрутся, и ничего мы сделать не сможем.

– А кто им будет объяснять, что мы проводим операцию? – Паутов категоричен, хочет быть слегка насмешливым, но с его мрачностью это плохо получается.

– А глаз они не имеют... Если вместо медсестер подсовывают спецназовцев, значит, это уже не благотворительная миссия, а ловушка. И сами они в таком случае становятся червями на нашем крючке. Мне откровенно не кажется, что им это дело приглянется...

– Я знаю, как договориться, – сказал подполковник и еще пару раз отхлебнул из кружки. Чай парить перестал. Теперь его можно пить. – Стопроцентный довод... Они еще будут сами нас уговаривать...

И отвернулся, собираясь с мыслями. Упер кулаки в треснутый, с облезлой краской подоконник.

Сумерки за окном сгустились окончательно. Мимо окна прошел караул с разводящим. Солдаты-контрактники курят в строю, торопясь наглотаться дыма до того, как заступят на пост. За курение на посту можно нарваться на неприятность, а иногда и на пулю из городских развалин.

– Маскарад... – задумчиво повторил Разин.

– Конечно, маскарад... – вывел резюме сообразительный Парамоша и опять присел, прислонился к стене. Глаза автоматически среагировали на положение тела и закрылись.

* * *

Задача, которую поставили перед группой еще две недели назад, – захватить полевого командира Батухана Дзгоева по кличке Меченый. Глубокий шрам через щеку – махнул с отмазкой осколок гранаты, дал Батухану приметную кличку. Полевым командиром Меченый называется еще по инерции. От его отряда почти ничего уже не осталось – десяток, от силы полтора десятка человек в продранных горами одеждах, не более. Все находятся в федеральном розыске, и нет надежды, что они оружие добровольно сложат. Только откровенный дурак сам пожелает доживать оставшиеся дни свои на казенном хлебе и без солнечного света. Отряд давно превратился в банду, которая кормится за счет похищения глупых иностранцев. Лезут зачем-то в горы... Звали их? Пусть на себя обижаются! Причем продают этих «баранов» потом не на территории Чечни, а где-то за пределами России, где бандиты чувствуют себя более рас-

кованно и где нет такой массивной «охоты на волков»². Тропы через горы тихи, и пограничники не могут перекрыть их полностью. Они и не знают полностью все тропы. Хочешь, в Грузию гуляй, хочешь оттуда дальше – иди в Абхазию... Правда, зимой тяжелее через перевалы тащиться. Да еще с иностранным грузом... И следы выдают. Потому и должны они потопиться последнюю сезонную акцию провести. И тогда с чистой совестью на отдых отбудут. И так уже, по слухам, некоторые перевалы ранним снегом покрыло.

Прошлой зимой Меченого на Кипре видели. Но пока чиновники из МВД жирные затылки чесали, пока собрались отправить запрос в Интерпол, Дзагоев исчез и опять объявился только весной рядом с родным селом Асамги. С новыми силами. И еще несколько арабов с собой привез. Наемников.

Сейчас у Меченого есть три пленника. Француз и два итальянца. Он не успел их отправить. Когда президента республики выбирали – на счастье Батухана, нашлись опять желающие... Наблюдатели... Жены их дома, наверное, терпеть не могут, взашей гонят. Вот потому в Чечню любопытствовать и приехали. Любопытство наказуемо. Он их ждал с радостью, с чистым сердцем. Заранее предвидел, что такие найдутся. И уже выяснил цену каждого, провел деловую конкретную переписку с родственниками. Данные разведки готовит к отправке. В соседнем селе магазин ограбил. Взял только консервы и деньги. Лягушек для француза и макарон для итальянцев не припас. Ясно – в дорогу...

А тут ему новые любители острых ощущений подставляются.

Меченый таких любит. Говорят, рядом со школой, где австрийцы остановились, видели человека Батухана... Разнюхивал, считал людей, определял охрану...

И если в селе Асамги объявили день приезда передвижной амбулатории для приема больных, то весть до Дзагоева непременно дошла. И он готовится...

* * *

– Отдыхать до особого... – приказал Разин.

А сам короткими подергиваниями поправил перчатки на руках. Он любит, чтобы перчатки сидели жестко, кисть обтягивали. Тогда ощущаешь, что кулак всегда к удару готов. Это внутренне мобилизует. И обостряет подсознание.

– К австриякам? – любопытствовал капитан Ростовцев.

– Да. Пока не спят...

– Попроси их кардиограмму тебе сделать, – посоветовал Паутов. И даже сказал это старательно не мрачно.

– Слонам в зоопарке кардиограммы делают? – Подполковник взялся за дверную ручку.

– Не знаю. В зоопарке не служил. Спроси Парамошу...

Парамонов опять дремлет в прежней позе. Теперь, услышав, открыл глаза и обошелся уже без опрометчивого вскакивания.

– Только если слон официально об этом попросит... – показал, что и с закрытыми глазами все слышит.

Разин усмехнулся:

– В местном зоопарке официальную русскую речь стараются не понимать.

Сказал и вышел, плотно, без обиды, прикрыв дверь. У разведчиков глаз на затылке видит не хуже, чем спереди. Ни разу он при всех не принимал нитроглицерин. Только когда оставался в одиночестве. Или отвернувшись. А они видят. И ставят диагноз. Сердце у подполковника, честно говоря, зажимает частенько. И уже много лет. Он знает, это от перенапряжения. Командировка кончится, отдохнет, снова будет в норме.

---

² На чеченском знамени времен Дудаева изображен волк.

Разин вышел на улицу. Морозным холодком поддуло под бронежилет, и он подтянул «разгрузку» на пояс, словно это может согреть.

– Прогуляться решили, товарищ подполковник? – спросил прапорщик на КПП, пытаясь почувствовать себя запанибрата с офицером чужого ведомства.

Подполковник только взглядом ответил. Прапорщик понял, что вопрос ему задавать не следовало, и принял стойку «смирно». Хотя здесь, в части внутренних войск, где спецназ ГРУ оказался на роли квартирантов, армейцы власти не имеют, спецназовцев уважают и побаиваются.

Улица полуразрушенного городка пуста, хотя до комендантского часа еще минут сорок. На перекрестке – БТР, наполовину скрытый тяжелыми фундаментными подушками. Вся Чечня этими фундаментными подушками заставлена. Если начнут строить, сгодятся. На войне же они просто незаменимы. Три подушки ставят одна на другую – стена, которую гранатомет не берет. Три подушки одна на другой – с трех сторон, сверху плита перекрытия – готовый блокпост. Подушки ставят без раствора. Они все равно с места не сдвинутся.

Навстречу попался патруль. Тоже внутривойсковики. Лицо офицера знакомо. Но только лицо. Ни имени, ни фамилии капитана Разин не знает. Кивнули друг другу.

– Далеко собрались, товарищ подполковник?

– Вечерний моцион.

До старой одноэтажной бывшей школы, где поселили миссию «Врачи без границ», – восемьдесят метров. Дверь закрыта. За дверью часовая-мент. Смотрит в окно. Подполковника он знает в лицо. Открыл без вопроса.

– Где твои врачи?

– В левом крыле, товарищ подполковник. В самом конце.

– Не спят?

– Только что курить сюда выходили.

Шаги в пустой школе звучат гулко, эхом отдаются.

Как же зовут начальника амбулатории?

Кажется, Хорст Кеслер... Да, именно так...

2

Брат позвонил не вовремя.

Как всегда...

Совещание еще не закончилось. Серьезный разговор идет. Завтра вместе с премьером идти докладывать президенту о состоянии подачи отопления в городскую теплотель, поскольку холода, по прогнозам скептиков-синоптиков, в нынешнем году наступят раньше обычного. Они уже наступили, хотя еще и не серьезные. А обещаются вскоре пожаловать в полной силе, небывалой, говорят, для Северного Кавказа. Разговор предстоит тяжелый. Решать следует что-то кардинально. Вопрос, который не считается благополучным даже в благополучных городах благополучных республик. О Грозном же вообще говорить не приходится...

И тут звонок.

Такие звонки всегда выбивают из нормального состояния, не хуже старательного удара кулаком по голове. И сразу голоса в кабинете чуть отдалились. И лица отдалились, заплывали в воздухе.

Казалось бы, мало ли бывает звонков... В день по сотне. А этот выделился. И не только потому, что поздний вечер. Сердце подсказало, что именно брат звонит. Шерхан всегда почему-то безошибочно определяет, когда ему звонит брат. И боится этого звонка. Впрочем, сам виноват. На свое имя трубку «мобильника» покупал. С роумингом. Чтобы в глаза не бросалось, сделал это в Москве, во время последней командировки. Безопасность велела купить

трубку на чужое имя. Но довериться чужому нельзя. А рядом не оказалось своего, надежного. С его должностью под рукой только коллеги, всегда готовые ножку подставить. Ждут, когда поскользнешься. Много можно денег на этой должности в карман положить. И для всех этот кабинет лакомым куском кажется. Министр строительства... Если б они знали, какие тут хлопоты...

Рискнул. Купил эту трубку. Сейчас при каждом звонке раскаивается в своем поступке. Но так сделать велела мама. Думала, будет старший сын чаще ей звонить. И она будет знать, как дела у него. Жив ли? Но ей Батухан предпочитает не звонить. Не любит женских разговоров об одном и том же. Он в последние годы жестким стал и колючим. Терпение потерял. Не хочет мать слушать и не дает ей договаривать то, что накопело в больном страдающем сердце. Звонит брату.

Но, говоря честно, Батухан не злоупотребляет. И возможности часто звонить у него нет. Ретрансляторы обслуживают только район Грозного и Гудермеса. До Асамги сил ретранслятора не хватает. А в Грозном брату появляться опасно. Меченого сразу заметно. Портреты его на каждом посту есть. Приезжает ночью, заходит в город через окраины. Предварительно его люди проверяют проходы, чтобы не нарваться на пост. Но посты по ночам стационарные. Бродить по городу русские не будут. Выстрел может мазануть вспышкой по темноте из развалин любого дома. За красно-белым мазком, все знают, следует пуля... Это русские понимают. Не понимают только, что так будет всегда. До тех пор, пока они не уйдут.

Но это другой вопрос...

В этот раз ночь еще не пришла. И – звонок.

– Я слушаю... – Шерхан сделал знак рукой, попросил тишины в кабинете.

– Это я.

– Я понял. У меня совещание. Позвоните мне минут через десять. Я подумаю, что смогу для вас сделать.

Специально сказал строго официально, на «вы», чтобы подозрения не вызвать.

– Через полчаса я у тебя дома буду. Мама как? – Батухан все понял. Он умный и осторожный.

– Хорошо. Я жду.

Шерхан положил трубку и посмотрел на собравшихся.

– Одолела армия со своими просьбами... – пожаловался усталым голосом, откровенно сбивая возможные вопросы с верного направления. – Давайте заканчивать. Время уже позднее. Последний пункт остался. Что у нас с ремонтными трубами?

– Плохо у нас с трубами, Шерхан Алиевич... – чуть не виновато сказал заместитель. – Я уже чуть все провода не оборвал, с Москвы не слезаю...

Министру начали докладывать в подробностях, но Шерхан почти ничего не слышал, хотя и делал машинально заметки в рабочем блокноте. Создавал видимость деловой активности. А мысли как клеем обмазанные.

– Хорошо. *Я завтра буду сам звонить, выяснять...* Все свободны.

Выходят медленно. Переговариваются. На него посматривают. Заметили резкую перемену в лице. Хотя сам он считает, что умеет собой владеть в любой ситуации. Сейчас он повышенного внимания к себе не заметил. И даже не заметил, как остался один. Неожиданно это открылось. Но в себя тоже не привело. И несколько минут Шерхан сидел, переживая подождавшую растерянность, смотрел в стол перед собой. Хмурился. И опять думал, не заподозрил ли кто в этом звонке подвоха? Потому что все знают брата своего министра. Самое уязвимое место для удара по Шерхану.

Может статься, что заподозрили. Но как их проверить? Проверить невозможно. Все будет ясно только тогда, когда в ночное время раздастся стук в ворота. Не звонок, а обязательно стук.

Настойчивый. И звук будет не совсем обычный. Так только прикладом бьют. И двор будет уже окружен...

Шерхан подошел к окну. Там, внизу, много света. Больше, чем во всем остальном городе. Специально светят ярко, чтобы никто не вышел на открытое место с черной мыслью. И Батухан чтобы тоже не вышел. Но он не выходит, чтобы гранатомет на чужое здание поднять.

* * *

...Последний разговор с братом вспомнился.

– Уеду без возврата... И будешь, Шер, ты тогда жить спокойно. Будешь спать спокойно. А то, вижу, совсем изнервничался, извелся от ожидания... Покоя тебе нет от того, что я до сих пор жив. Скажи, рад бы был, если б меня убили? Рад?...

– Бату... Что ты говоришь...

– И мама каждый раз твердит, как я тебе мешаю. Как бы ты хорошо жил без меня...

– Не унижай меня. Я же мужчина!

– Мужчины с нами...

Но это уже не сказано... Это уже репликой уронено на выдохе. Совсем неубедительной репликой, потому что сам Батухан в своих словах не уверен. Он давно отчаялся в деле, которое когда-то начинал со светлыми глазами. Свет закрылся тучами быстро. Не успел солнцу порадоваться всласть. Кто больше всех о свете говорил, тот тучи и привлек. Сами пригнали. Все и всегда так в мире устроено. Если есть действие, будет и противодействие. Сейчас, годы спустя после первых дней, взгляд Батухана потемнел, посмурнел. И сам он другим стал.

Брат когда-то в школе литературу преподавал. Детей учил честными быть. И сам старался честным быть. Гордость в людях любил и никогда никого не унижал. Говорил, что если сильный унижает слабого, то унижает сам себя, свою силу унижает и становится от этого слабее. И брата учил. Шерхан брата на восемь лет моложе. Отец умер. Старший за отца в семье остался. Больше братьев нет. Только сестры. Их мама воспитывала. Шерхана – брат. А потом, став взрослыми, они оказались так далеко друг от друга...

* * *

Охранник оторвал от мыслей. Постучал в дверь, вошел без приглашения.

– Шерхан Алиевич, машина стоит... Позже опаснее будет ехать.

– Я выхожу.

Под взглядом охранника он проверил сейф, дернув пару раз за ручку-штырек, закрыл на ключ ящики письменного стола, хотя отлично знает, что к этим ящикам подходит ключ от любого другого такого же стола и действия его лишены смысла. Со вздохом переложил со стола бумаги в портфель, словно собирался всю ночь работать над ними. Это привычка. Даже перед охранником следует поддерживать имидж очень занятого и очень трудолюбивого человека. Охранник скажет другому охраннику, расскажет между делом жене и соседу. Сформируется мнение в народе. Шерхан старается, чтобы мнение о нем было хорошее. Это входит в его планы. Пост министра – день сегодняшний. Но впереди и завтрашний и послезавтрашний день. Шерхан еще достаточно молод, чтобы иметь силу zahахнуться на большее. Время боевиков все равно пройдет. Нужны будут специалисты. Он такой специалист. Он готов претендовать на самую высокую должность.

В коридоре, уже за двойной дверью приемной, ждет второй охранник, милиционер. Так они и пошли по лестнице. Один впереди, посредине министр, позади второй охранник. Неприятностей ждать может любой человек, любую должность занимающий. А если ты на виду, то будь готов к неприятностям вдвойне.

Дверца машины уже открыта. Шерхан без торопливости, но и без промедления устроился на заднем сиденье. Охранник сел рядом с водителем. Второй охранник не едет. Едет только милицeйская машина с двумя автоматчиками. Точно так же будет утром, когда они приедут за ним.

Дома охрана своя. Из родственников. Четыре милиционера из тейпа ³ Дзгоевых. Дежурят парами. На этих можно положиться. Хотя, если придут другие милиционеры, трудно сказать, как они себя поведут. Но обычно «приходят» солдаты-внутривойсковики. Или омовцы из прикомандированных. Батухан осторожен. Он выставляет охрану по периметру квартала. Берет под контроль подъездные пути. Прошлый раз приходил, одну дорогу заминировал – не хватило людей, чтобы там пост выставить. Но предупредил брата, чтобы этой дорогой утром не ехал. Впрочем, предупреждение было лишним. Там, на mine, ночью БТР внутривойсковиков подорвался. Правда, мина была слабенькая, противопехотная. Только колеса БТР порвала и нервы водителю попортила.

Ночной Грозный в самом деле выглядит грозно. Даже самый центр города. На окраинах, где стоят дома уважаемых людей, обстановка спокойнее. Но там и постов больше. Милицeйских. На машинах. Дорогу прикрывают. Блокпосты стоят редко, только перед въездом в квартал.

Миновали такой блокпост. Теперь почти дома.

Брат должен быть уже там...

---

³ Тейп – родоплеменное образование у чеченцев.

ГЛАВА 2

1

Подполковник Разин специально стучит по полу башмаками. Чтобы его услышали. И идет целенаправленно к двери, из-под которой пробивается, ложась четким вытянутым пятном на пол, свет. Сам собой возник вопрос, почему свет ложится так? Так он может ложиться только в одном случае – если лампочка висит не под потолком, где ей положено висеть, а рядом с порогом. Чего в природе, как правило, не бывает.

Разина слышат. Свет дважды пересекли тени. Словно там, за дверью, готовятся к встрече. Могли бы для приличия и выглянуть заранее. Полюбопытствовать. Не услышать такой звук трудно. Каждый шаг доходит, должно быть, и до противоположного крыла. Школьные коридоры обширные. Когда идет один человек, эхо гуляет. Странно, почему не гуляет эхо, когда здесь бывает множество школьников? Или гулкость шагов – атрибут ночи?

Стук в дверь здесь тоже явился атрибутом ночи. И потому звучит особенно громко, хотя подполковник стучит обыкновенно, без желания напугать властным зовом. Дверь открывается сразу. Наружу. И приходится сделать шаг назад, чтобы дать ей совсем открыться.

Человек за дверью тоже делает шаг назад, но не приглашает, присматривается. Высокий, сухощавый, белобрысо-седой, узкие очки в тонкой оправе. За очками мутно-зеленые, водянистые глаза.

– Добрый вечер, господин Кеслер. Я – подполковник Разин, Российская армия.

Разин умышленно не называет род войск. Для людей с Запада спецназ ГРУ – нечто пугающее. Это близко к набившему всем оскомину КГБ. Или то же самое, что для наших людей – ЦРУ. Пугать сразу ни к чему. Пусть сначала выслушает. Одновременно решается и другая задача. Почему свет из-под двери ложится так странно. Теперь это понятно. На полу в классе стоит какой-то медицинский прибор, похожий на большое перевернутое корыто. Белая глянцеваая пластмасса отражает свет лампочки, как зеркало.

– Что вы хотели? – спросил Кеслер на хорошем русском языке, лишь с легким акцентом.

– Я хотел бы переговорить с вами.

За порог австриец по-прежнему не приглашает. Все еще смотрит, соображает: что может понадобиться здесь подполковнику Российской армии?

– Войти разрешите?

– Извините, мы ведем подготовку к монтажу оборудования. Его завтра необходимо будет установить в местной больнице. Оборудование разложено по всему кабинету, и я просто боюсь подпустить к нему постороннего. Мы сами здесь не ходим – летаем. Мы можем поговорить в коридоре?

– Конечно. Прошу вас...

Жест рукой приглашает пересечь коридор, чтобы посидеть на широком подоконнике. Теперь шаги подполковника легки и неслышны, будто он идет по горам во время операции – сейчас никого не надо предупреждать о своем приходе. И на ногах у него будто не тяжелые армейские башмаки, а легкие кроссовки. Звук зависит от того, как ставишь ногу. Господин Кеслер вообще обут в домашние тапочки. Но его шаг более слышим. Шуршит, и задники шлепают по полу.

Кеслер в самом деле сел на подоконник. Не солдат, не подчиненный. Чувствует себя раскованно. У Разина же привычка – когда окно выходит на улицу, не поворачиваться к окну спиной, даже если и стоишь в темном помещении. А сейчас – тем более! – они не в темном

помещении. И в таком виде – мишень для любого стрелка. Объяснять это Кеслеру он не стал, но сам занял место в межоконном проеме, где можно прислониться к стене.

– Я вас слушаю, – Кеслер поправил тонкие очки на носу.

– По моим данным, ваша амбулаторная бригада на послезавтра планирует выезд в село Асамги.

– Да. Выезд запланирован на двенадцать часов. Мы собираемся работать там трое суток малой бригадой. Оповестили жителей. Они нас ждут. Вам не нравится такая акция?

Кеслер насторожился. Врачи международных миссий не любят, когда военные пытаются втянуть их в свои дела, а начало разговора предвестило именно это. Они прибыли в Чечню во многом именно для того, чтобы вернуть, что разрушила война. Медицина и боевые действия – противоположные понятия. Разин отдает себе в этом отчет, хотя, как воин по духу, врачей традиционно не любит и старается без необходимости к ним не обращаться.

Разин словно прочитал мысли Кеслера.

– По данным нашей разведки, полевой командир Батухан Дзагоев планирует захватить в селе вас и ваших специалистов с требованием последующего выкупа.

– ...Мы едем с охраной, – сдержанно возразил врач.

И снова поправил очки, забыв, что поправлял их только что. Подполковник из этого жеста без труда сделал правильный вывод – Кеслер его сообщение принял к сведению. И не проявил, естественно, буйной радости. Заволновался до растерянности.

– Какая у вас охрана?

– В Министерстве внутренних дел Чечни нам выделили четырех милиционеров.

Усмешка подполковника насторожила врача еще сильнее. Она очень значительна, эта усмешка, и несет в себе больше информации, чем целая фраза. Он даже с подоконника спрыгнул и снова очки поправил.

– Вы считаете, этого мало?

Разин сам знает, что лицо у него серьезное. И всегда выражает то, что он хочет выразить. Если он хочет запугать человека, он его запугает только одним немигающим взглядом. Это привилегия военных – так смотреть. Опасность приучает. Врачам подобного, как правило, не дано. А в полумраке любое выражение лица можно принять даже за зловещее.

– Я не считаю это охраной. Могу гарантировать: боевики разоружат их без выстрелов, дадут каждому по паре увесистых пинков и увезут вас без помех.

– Мы не можем отказаться, потому что уже объявили жителям села о приезде амбулатории. Нас там ждут больные. Как нам поступать? Что вы посоветуете? Попросить усиленную охрану?

– Вам выделяют еще пару милиционеров. И на этом помощь окончится. В МВД, к сожалению, еще верят по наивности в свою милицию.

Подполковнику хотелось добавить, что это касается всего МВД России. Но промолчал.

А Кеслер проявил рациональный европейский разум:

– Я понимаю, что вы пришли сюда не для того, чтобы предупредить нас о неизбежности плена. Я готов вас выслушать.

Подполковник умело добился того, чего желал добиться. И даже с меньшими трудностями, чем предполагал вначале. Теперь необходимо вторую часть плана исполнить так же.

– В настоящее время в заложниках у Батухана Дзагоева находится три человека – француз и два итальянца. Бывшие наблюдатели на выборах. Он готовит их к отправке в Грузию, где намеревается получить выкуп. Кажется, родственники уже собрали солидную сумму. Отправлять думает вместе с вами. Но нам неизвестно, по каким тропам он пойдет. К тому же устраивать засаду на тропе – подвергать жизнь заложников лишней опасности. Он их просто пристрелит, чтобы уйти самому.

– Радужная картина! Вы хотите сделать нас приманкой для поимки этого бандита?

Кеслер уже понял, зачем пришел этот подполковник.

– Вам самим выбирать... Без лишних слов. Коротко и ясно. Предельно жестко. Выбор может быть только один – или согласиться, или отказаться от поездки.

– Мы имеем возможность посоветоваться?

– Желательно, чтобы советы не выходили за пределы вашей миссии. Иначе может пойти слух, Дзагоев просто махнет на вас рукой и уйдет с тремя заложниками. По слухам, они в тяжелом состоянии. Особенно один из итальянцев. Его ударили прикладом и повредили позвоночник. Сейчас ему трудно ходить. И в дороге его, скорее всего, пристрелят, чтобы не задерживал других... Еще и это прошу учесть – без вашей помощи мы до них не доберемся.

Фантазия подсказала, как добавить красок для усиления колорита. Про поврежденный позвоночник Разин впервые услышал только что от себя самого.

– Мы подумаем... – сказал Кеслер. – Где мне вас найти?

– Я сам зайду к вам утром. В шесть часов вы уже встанете?

– Лучше в семь.

– В семь ноль-ноль я буду у вас. Откровенно говоря, я не рекомендую вам отказываться. Это для вас гарантия безопасности. Нам же поможет спасти заложников.

– Мы подумаем...

Разин вышел на школьное крыльцо, осмотрелся и достал трубку сотового телефона. Набрал свой домашний номер. Трубка два раза пискнула, и на табло высветилась надпись: «Номер абонента занят». Наверное, телефон дома не работает. Не может же жена без конца говорить по телефону. Это не в ее привычках...

Считая поломку телефона причиной, Разин сам себя успокаивает. Жене сейчас одной очень тяжело. И морально, и физически тоже. А он прочно застрял здесь. Правда, постарается, чтобы это «застрял» не стало хроническим. В такое время покидать дом надолго нельзя. Если операция против Меченого пройдет успешно, можно надеяться на быстрое возвращение.

* * *

Подполковник покинул школьный двор. Учебный год должен уже начаться. Но в городке три школы. Детей обучают только в двух. Для этого есть объективные причины. Во-первых, детей в городке меньше стало – за время войны женщины почти перестали рожать. Во-вторых, это здание просто не на что ремонтировать. И потому используют его по разным нуждам, не требующим предварительных хлопот. То как склад, то как гостиницу, то как временную казарму.

До комендантского часа совсем мало времени осталось. Улица пуста. Единственно, мимо с частым лязгом гусениц проехала БМП. Спешит из города. Это что-то новое. Впрочем, если бы какое-то чрезвычайное происшествие, БМП не выезжала бы в одиночестве, а подполковника Разина уже нашли бы с посыльным и затребовали бы в штаб. Скорее всего, это поездка какого-то командира на один из блокпостов. Проверяет. Спецназ ГРУ такая поездка касаться не может.

Уже на подходе к военному городку Разину попался навстречу тот же самый патруль.

– Моцион завершился благополучно, товарищ подполковник?

Начальник патруля, похоже, спутал его с Парамошей. Это Парамоша долго решает, к кому ему идти ночевать в очередной раз. Иногда так долго сомневается, что остается в казарме.

– Да. Хорошо прогулялся.

В маленькой штабной комнате – одном из двух помещений, занимаемых спецназовцами, сидит за столом только капитан Ростовцев – дежурит. Долил в командирскую кружку кипятка. Не любит крепкий чай. Попивает и рассматривает карту. Мурлычет под нос колыбельную мелодию – заставку из телепередачи для малышей. Руки по-прежнему в перчатках. Он

их только ночью снимает. В темноте. Чтобы кожа подышала. Показывать другим свою экзему стесняется.

– Что, Толя, не спится? – относительно «не спится» – традиционная шутка. Дежурному спать не положено, потому он и дежурный.

– Дурные мысли, командир, голове покоя не дают.

Голова у капитана стоит его мыслей. Разин не однажды в этом убеждался. Математический склад ума позволяет просчитывать все варианты и видеть порой то, что другие упустили. С такой головой надо шахматную корону оспаривать, а не по горам с «калашом» бегать...

– И что твоя голова надумала дурного?

Ростовцев выпрямился, оглядывая карту района сверху, как с вертолета.

– Думаю вот, что захватим мы Меченого, а заложников освободить не сможем.

– Почему?

– Батухан до конца драться будет. Живым сдаться не пожелает. И его орлы тоже. Даже если захватим живыми, они нам ничего не скажут. Сказать – это подтвердить обвинения в свой адрес. Нет заложников – нет обвинения. Так наши итальянцы вместе с французом в какой-нибудь пещерке и останутся – связанные и запертые, пока ноги с голода не протянут. Найдика пещерку в горах... Их тут тысячи...

– Так-так... – подполковник отхлебнул из своей кружки чужой чай. – Твои дурные мысли мне кажутся здоровыми. Ты что-то, я вижу, придумал?

– Придумал. Смотрите сюда...

Палец капитана, тот самый, где перчатка обрезана, лег на карту.

2

Машины остановились у ворот дома. Двигатели не выключили, потому что в Грозном в это время суток опасно останавливаться с выключенным двигателем. Не только боевики из леса могут применить оружие, но и простые горожане, молодежь, которая болтается без дела, не найдя себе работы. Горские нравы лояльно относятся к любым видам разбоя. И многие пытаются за счет этого выжить. Кто может осудить человека за желание выжить?...

Вышел из машины только охранник, удивленно, с настороженностью осмотрелся по сторонам и нажал на кнопку звонка под металлическим козырьком. Это показалось охраннику странным. Обычно внутренняя охрана сразу по приезде калитку открывает. Только сам хозяин дома догадался, что произошло. Должно быть, приход брата что-то изменил в расстановке охраны.

Министр ждет. Он всегда соблюдает правила безопасности.

Дверь наконец открылась, приглашая. Шерхан вышел из машины и приветливо кивнул охраннику, благодаря за сопровождение. Он никогда не забывает это сделать, в отличие от всех других министров. Иногда, когда не торопится, даже руку пожимает. Все из тех же соображений. В будущем ему понадобится популярность. Может понадобится...

Охранник сел в машину, а Шерхан шагнул за высокий металлический порог. Калитка закрылась. И он, прежде чем задать вопрос, дождался, когда шум двигателей удалится.

– Что так долго не открывал? – форма обращения вопросительная, но совсем не повелительная, без недовольства. К своим людям Шерхан относится с нарочитым уважением в надежде, что они к нему будут относиться с уважением еще большим. Он никогда не показывает и не подчеркивает свою власть и этим людей к себе привязывает. Дает надежду, что и на более высоком посту будет с ними таким же простым и доступным, сердечным.

– Ваш брат, Шерхан Алиевич...

Министр увидел за калиткой, чуть в стороне, незнакомого боевика с зеленой повязкой вместо шапки, стягивающей длинные кучерявые волосы. Мода, введенная покойным Иордан-

цем⁴. На повязке традиционная надпись на арабском языке – сура из Корана. В темноте текст не разобрать, а свет около поста Шерхан велел убрать из соображений безопасности охраны. Пост не должен быть откровенно замечен.

– Я понял...

Все действительно понятно. Батухан выставил свою охрану. Он предпочитает лично заботиться о своей безопасности. С одной стороны, это правильно, потому что никто посторонний так о тебе не позаботится, как ты сам. С другой – это же может его и подвести в критической ситуации, потому что родственники-милиционеры лучше знают здешнюю обстановку и среагируют в случае чего правильно. У боевиков реакция иного характера. Они слишком быстро начинают стрелять. Даже когда этого делать не следует. Шерхан умение договариваться всегда ставит выше быстроты указательного пальца, нажимающего спусковой крючок. Слово всегда несет за собой меньше последствий, чем выстрел.

Он пошел к дому по бетонной дорожке, скрытой, как навесом, ветвями старых яблонь. Сейчас яблони стоят холодные и мрачные, темнеют страдающей от непогоды корой. Слишком быстро наинулась на них осень, слишком сильно щипает деревянное тело. Не успела полностью листва опадать, а уже прихватило изморозью землю. Ночью и утром ветки примораживает, лишая упругости. Когда такое случается, ветки часто ломаются при сильном ветре. Без листвы они ветер рассекают и пропускают через себя. Сейчас не могут. Сопротивляются и ломаются.

Как люди...

Если нет в тебе гибкости, не вставай против ветра, чтобы не сломаться...

Шерхан не встал...

Батухан встал...

Каждому свое...

Высокое крыльцо обычно освещается одной лампочкой, но сильной. Сейчас лампочку чуть-чуть вывернули, чтобы при взгляде со стороны не было видно, кто в дом входит, кто выходит. Выключен свет и в коридоре, из которого на крыльцо и веранду выходит четыре окна. Простые очертания человеческой фигуры никому ничего не скажут. Фигур может быть много, а кто из них кто?... Это правильная мера безопасности, и придумал ее еще сам Шерхан, когда в первый раз принимал брата в своем грозненском доме.

Дом этот построен год назад. Раньше Шерхан как-то удовлетворялся квартирой в обычном доме. Но министру несолидно жить в многоэтажке. К тому же полуразрушенной. Его не будут уважать.

Сейчас его уважают, несмотря на брата...

* * *

Мама почти ослепла.

Сама говорит, что видит только очертания. И еще говорит, что ослепла от слез. Слез за старшего сына...

– Плачут по покойнику... – сказал когда-то, в один из прошлых приходов, Батухан. – Плачут, когда человек покрыл свое имя позором... Во всех остальных случаях мужчина достоин радостной улыбки, а не слез...

Он не всегда отвечает на слова мамы, потому что не всегда слышит их. О своем думает. Сначала она повторяла, теперь перестала. Смирилась.

Но мама уже не та, что в прежние годы. В прежние годы она была директором в той самой школе в Асамгах, где Батухан преподавал литературу. И сын подчинялся ее власти, хотя когда-

---

⁴ Иорданец – расхожая кличка Хаттаба, иорданца по происхождению. Хаттаб носил длинные волосы и стягивал их на голове повязкой с сурой из Корана.

то и был между ними конфликт. Батухан снял со стены кабинета портрет Пушкина и повесил портрет Шамиля. Этого не поняли. И кто-то из комиссии районо сделал директору замечание. Она приказала Батухану вернуть старый портрет. Он возразил. Она повторила только раз и, повернувшись, ушла. И он послушался. Тогда еще он слушался ее.

Сейчас, что бы ни сказала мама, он сделает по-своему.

Он начал делать по-своему тогда, когда пошел за Дудаевым. Мать возражала.

– Я ничего не имею против Дудаева. Может быть, он сам и хороший человек, хотя его тейп не дал ни одного хорошего человека, который принес бы людям пользу. Но посмотри, кто окружает твоего генерала!.. Присмотрись и поймешь... Эти люди только разрушают.

Батухан не присмотрелся. Он не понял.

– Шерхана я тебе не отдам.

Шерхан, как младший, всегда был любимчиком матери. Ему и ласки больше других доставалось, и теплых слов. Но брата это не обижало. Он сам младшего любил и заботился о нем. Однако сейчас решил возразить:

– Шерхан взрослый мужчина. И имеет право выбирать сам.

– Он поедет дальше учиться в Москву.

В этом мама была категорична. Она хотела, чтобы Шерхан окончил аспирантуру. Тогда еще, в первые годы, из Чечни можно было попасть в аспирантуру по разнарядке. И Шерхан поехал. А мама оставалась в селе, где через три года закрыли школу. Школа оказалась не нужна.

– Этого ты добивался? – сказала мама Батухану во время очередной встречи.

Она написала в Москву младшему сыну. Тот позвал ее к себе, но мама уехать не желала.

– Как же Батухан? – Она считала себя ответственной за него, как раньше, когда она была директором, а он учителем.

Тогда, именно в тот период, как рассказывала потом мама, Батухан поссорился с Яндарбиевым, который на время заменил погибшего Дудаева. Из-за школы. И в своей республике, со своим отрядом, оказался без поддержки правительства. Впрочем, поддержки не было и без того. И другие полевые командиры не очень спешили Яндарбиеву подчиниться. Но любой отряд – это маленькая армия. А армию следует кормить... И чтобы кормить свою армию, Батухан занялся своим промыслом – похищением людей. К тому времени он уже понял, что национальная свобода обернулась свободой только для того, кто умеет хорошо пользоваться оружием.

Он им пользоваться умел...

* * *

Шерхан открыл дверь в комнату.

Петли смазаны, установлен механизм с автодоводкой. Войдешь, и не надо дверь за собой закрывать. Сама плавно закроется. Его шаги тоже никто не услышал. Он разулся у двери в дом, как и полагается. Мягкие кожаные тапочки делают походку легкой. И полы в доме цельнолитые. Пластиковые. Не скрипят. Большие связи нужны, чтобы такие полы в доме сделать. Но разве могут быть скрипучими полы в доме министра строительства республики? Люди смеяться будут!..

Батухан сидит за столом лицом к входной двери. Мама уже покормила его. Посуда на столе. Кувшин с водой. Вина Батухан не пьет, хотя никогда особым усердием в вере не отличался. Шрам на щеке брата выходит из усов и расширяется к скуле. Он раскраснелся, словно готов раскрыться и показать старую рану. Это от тепла в комнате.

Мама сидит спиной к двери и не слышит, как вошел Шерхан. Она говорит, и говорит, похоже, уже давно.

– ...Мое сердце, Бату, пусть тебя не тревожит. Болеть оно будет, но кто скажет, когда материнское сердце не болит... Болит за маленьких, вырастают, больше болит за больших... Я хотела бы с тобой видеться каждый день, но Аллаху виднее, как распорядиться нашими судьбами. Поезжай и будь покоен... И брату дай покой... Он у нас будет большим человеком... Может быть, тогда и ты сможешь вернуться. Будет кому тебя защитить.

– Шер, – сказал старший брат вставая.

Мама не сразу поняла, почему старший брат произнес имя младшего, но после короткого раздумья повернулась к двери. Батухан из-за стола вышел и обнял Шерхана, прижался бородатой щекой к бритой щеке. И слегка потряс за плечи, как тряс его, когда младший был мальчишкой.

– Я боялся, что ты не успеешь... Мне уже пора уходить...

– Ты так спешишь?

– Дорога сегодня предстоит дальняя. До рассвета я должен быть уже в Асамгах. Потом дальше, в горы...

– И...

– Я пришел попрощаться. Мое время подошло. Через полторы недели я буду уже в Грузии. А закончу там дела, переберусь в Турцию. Навсегда... Семью я отправил еще в августе.

От последнего слова теплая волна радости прошла по груди Шерхана...

ГЛАВА 3

1

После прогулки по морозному воздуху открытые пальцы рук у подполковника слегка подмерзли и в тепле покалывают. Он пошевелил ими, разгоняя кровь и возвращая привычную упругую гибкость – дома балуется, десятикопеечные монеты тремя пальцами гнет. Кому ни предлагал – никто так не может. Но замерзшими пальцами монету не согнуть. Надо в дополнение к этим перчаткам для небоевой обстановки обзавестись обычными, только размером побольше. Впрочем, может быть, и не надо. Если быстро завершат операцию по захвату Меченого, то вскоре уже отправятся домой.

Разин дождался, когда Ростовцев опорожнит, а потом и ополоснет командирскую кружку. Ростовцев человек аккуратный. Порядок любит даже в чужом хозяйстве.

Капитанский чай подполковник не пьет. Жидковат для его натуры. И, ожидая окончания капитанского чаепития, не снял кипящий, армейского образца пятилитровый чайник с электроплитки, позволив ему продолжить истеричное гудение мятыми алюминиевыми боками. И только потом положил прямо в кружку стабильные две чайные ложки чая и залил кипятком. Сахар Разин традиционно презирует. Не сынок маменькин. Как обычно, поставил кружку на блюдечко посреди стола. И новый пар, поднимаясь клубами, показал близкую к минусовой температуру штабного помещения. Печка-буржуйка на группу выделена всего одна. Ее приладили на подобранный где-то металлический лист под окном за стеной – труба выходит в форточку в комнате, которую называли казармой, невзирая на то, что казарма не имеет ни одной кровати. Матрацы, правда, есть. Без постельного белья. Спят на бушлатах. Рука вместо подушки. И так – уже третью неделю. Обычная командировка.

Офицеры группы привыкли спать урывками. Любая надобность – они в готовности. На зов собрались сразу. Даже Парамоша не сел на корточки и не прислонился к стене. И глаза держит открытыми. За сорок минут в лежачем положении он успел почти выспаться. Это маршевая норма.

Дверь в казарму осталась открытой. Оттуда потекло сонливое тепло. Обдало командира привычным необжитым бытом и другими характерными армейскими запахами.

– Австрияки выезжают немедленно? – с образцовой мрачностью поинтересовался майор Паутов причиной подъема и прикрыл тяжелой ладонью рот. Зевнул почти вежливо. – Идем в преследование?

Подполковник отцепил от пояса кобуру «стечкина». Положил пистолет на стол поверх карты. Жест, показывающий отсутствие оперативной необходимости в спешке.

– Ага... – понял Паутов. – Значит, не идем в преследование...

– Австрияки взяли паузу до утра. На раздумья. Я просил определиться до шести. Они решили, что вставать рано для здоровья вредно. Назначили мне свидание на семь ноль-ноль. Думаю, на реальное время, они уже согласны.

– Долго уговаривал? – поинтересовался Паутов.

– Я красноречиво сказал несколько слов. Господин Кеслер понятливый.

– Сильно не бил?

На это подполковник не нашел нужным ответить. Хотя за собой знает черту характера: нужно было бы для дела, и кулаком приложиться не постеснялся бы. Невзирая на национальность и социальное положение. Даже на политическое.

Повернулся через плечо:

– Толя, докладывай...

Капитан Ростовцев шагнул к столу с картой, как к университетской кафедре.

– Поскольку вы неразумно доверили мне роль дежурного, мне ничего не оставалось делать, как сидеть и раздумывать о предстоящей операции. И потому я пришел к плачевному выводу, что вы в жестокости своей душевной собираетесь заморить голодом несчастных заложников, угодивших в лапы злобного лесного волка Батухана Дзагоева.

– Ага... Я тоже об этом думал... – сказал Паутов.

– И я, – добавил Парамоша. – Не «расколятся» они и не сдадут базу. Резона им нет...

– Не ври, ты спал, – майор Парамоше поверить не захотел.

– Я и во сне думать умею. И даже слышу во сне, как вы, товарищ майор, храпите...

– Не ври...

– Так это ж я во сне... – Парамоша расплылся в довольной улыбке. Они с Паутовым часто посылают друг другу словесные уколы и радуются каждой удачной, к месту произнесенной фразе.

– Отставить! – спокойно приказал Разин.

Храпеть во сне для спецназовца – смертный грех, хуже предательства. Тренировки по отучению от храпа основываются на жестком включении контроля со стороны подсознания. Храп – это профнепригодность!

– Ближе к делу. Шутки спрячьте до утра. Толя, продолжай...

– Первое, следует перепутать его подготовленные планы. Действия «по обстановке» у боевиков, как правило, получаются немного хуже. Если командир договорится с австрияками, мы сдвинем место расположения амбулатории на окраину села. Там есть достаточно подходящая площадка. Нас устраивает по всем параметрам. И рядом с дорогой. Это – оправдание: удобно.

– Я договарюсь. Как обосновать необходимость?

– Если располагать палатки амбулатории в центре Асамгов, в перестрелке будут жертвы среди мирных жителей.

– Резонно, – Разин слушает не моргая. – Лекари это поймут. Обоснование для нас?

– Первое. Меченый может прикрыться мирными жителями и уйдет через их сады. Путаница, неразбериха. Мы можем его потерять, – теперь уже, включившись в доклад, Ростовцев говорит так, как обычно говорит сам командир – рублеными короткими фразами. Такая речь в группе стала почти узаконенной формой делового общения, а совсем не подражанием. При недельном общении речь другая. У каждого своя. – Нам же необходимо заставить его уходить только единственной тропой. Где его будут «проводить». Второе. Исходя из первого, нам важна сторона подхода! Желательно увидеть, откуда он прибудет. Необходимо выяснить хотя бы направление. Карта саму тропу определит. И тогда мы можем перекрыть ему дорогу.

– Какими силами? – Майор Паутов вдумывается в сказанное. Он не противоречит. Он размышляет по ходу доклада. – Если привлечем посторонних, это станет заметно. Ни солдатам, ни ментам я не верю. Не умеют работать. Выдадут себя на сутки раньше появления на месте. Бестолочи. Кроме того, зачем? Тогда просто: действовать сразу на поражение – и задача будет выполнена. В плане ликвидации. О спасении заложников пусть думают, как им и положено, поисковики. И не надо огород городить...

– Согласен, – Разин опять подтягивает перчатки. Пальцы уже согрелись, и кисть хочет почувствовать свою силу. – Смысла в блокировке не вижу. Продолжай, Толя...

– О блокировке я сказал как о возможном варианте. На непредвиденный случай, который может случайно случиться. Классика – «случайный случай случайно случился»... Пока этот вариант оставим. Но в голове его держать будем. Рассматриваем само появление Батухана. Следует исходить из сил, которые может реально выставить Меченый...

– Следует исходить... У него до пятнадцати боевиков.

– Хотя бы пару человек он обязан оставить на базе. Рядом с заложниками.

– Почему именно пару? Они там что, дрова колоть собрались или сексом заниматься? Будем брать худший для нас вариант. Меченый оставляет на базе одного человека, – предложил Парамоша. – Так нам сподручнее ориентироваться. Меньше их будет – нам легче. А будет больше, чем ждали, возни больше, чем «очень хочется»...

Ростовцев согласно закивал.

– Пусть так. Приходит четырнадцать человек. Рассчитывают, что с лекарями прибыло четыре мента. На сопротивление не надеются. Местные менты правила знают и сдают оружие сразу. За это их только пинают, но не расстреливают.

– Не так все просто, – не согласился майор. – Боевики не подойдут всей толпой. Расставят посты. Хотя бы с двух сторон дороги. Дзгоев не глуп. И осторожность соблюдает. Мало ли – какой-то БТР залетный...

– Правильно, – согласен и Разин. – Остается двенадцать человек. – Я бы на месте Батухана выставил пару снайперов на удобных точках. Прикрытие никогда не помешает. Парамоша, мотай на ус...

Парамоша в группе один из снайперов. Старший пары. Второй снайпер – лейтенант Паша Сокольников, молчит как всегда. Слушает. Многие его за немого принимают и пожимают плечами – как может немтырь служить в спецназе? Но Паша отвечает только тогда, когда его прямо спрашивают, и при этом спрашивают о деле, а не болтают, как обычно бывает с Парамошей. Тем не менее пара у них сработанная ⁵.

– Меченый так и сделает. Значит, десять боевиков против четырех ментов. Им почти не страшно...

– Чего им бояться. Менты должны быть под прицелом снайперов. Любая активность наказуема. И будут под прицелом, если Парамоша с Пашей не обеспечат им безопасность. Они Парамошу очень попросят. Потому что ментами, как Парамоша после моей подсказки догадается, будем мы, – майор Паутов не простил своего приснившегося храпа старшему лейтенанту. И отвечает по-своему.

Ростовцев выслушал дополнения.

– Я продолжаю... Задача – уничтожить или захватить основную часть отряда боевиков. Самого Меченого и еще одного выпустить.

– Зачем двоих? – Парамоша не понял. – Двое уйдут, это для них возможность создать новый отряд... Один уйдет – это позор. Сбежал, бросил товарищей... За таким человеком никто не пойдет! Пусть Меченый погуляет... Где гарантия, что мы его сможем провести до конца?

– За двумя следить легче. Провожать их вплоть до пещеры с заложниками.

Парамоша опять не успокоился.

– И вообще Меченого лучше на месте положить. От греха подальше. Отпустить двух рядовых членов банды.

Ростовцев отрицательно покачал головой:

– По слухам, Дзгоев готовится уходить за границу надолго. Естественно, уходить он собирается не с пустыми руками. Я не думаю, что Батухан всем показал, где прячет деньги. Другие не знают его тайника. Они не пойдут в пещеру. Просто в горах спрячутся. Или даже разбредутся в разные стороны. Меченый же пойдет в пещеру. И от себя второго не отпустит.

– Все верно, – согласился Разин. – Продолжай...

– Наша раскладка сил. Четыре человека в милицмейской форме. Два снайпера на подстраховке. Это против десяти боевиков. Плюс – неожиданный поворот ситуации. Должны справиться.

---

⁵ Снайперы часто работают парами, когда один страхует другого от снайпера противоположной стороны. Снайперская пара считается устоявшейся боевой единицей. Естественно, каждый из них способен и на индивидуальную работу.

- Справимся, – подполковник категоричен.
- С удовольствием... – мрачно добавляет Паутов.
- Три человека контролируют тропы и определяют направление, откуда банда придет. Во время разборки трое соединяются в отряд и выходят на тропу, где отслеживают передвижение Дзгоева. Вернее, не отслеживают, а идут с опережением, потому что направление к тому времени мы уже определим. Я предполагаю вот эту сторону, – показал капитан на карту.
- Почему?
- Там самые малонаселенные места. Меньше вероятности для случайного взгляда. К тому же склон горы лесистый. Не просматривается с вертолета. Меченый это должен иметь в виду.
- Принимается.
- Там три тропы. Пока четверо «ментов» и снайперы разбираются с основной группой, трое разведчиков концентрируются на нужном направлении и производят предварительный осмотр троп. Поиск следов. В направлении, которое я предполагаю, три тропы. Можно успеть осмотреть и выделить единственную. Дальше – движение на опережение. И постоянная связь с командиром.
- Прокор! – Майор Паутов поднял палец, как поднимал его раньше командир. – Выпустили пару постовых на дороге.
- Нет. Мы с командиром это обсуждали. Постовых доверим своим снайперам. Посты не могут быть далеко. Их следует снять аккуратно, не подпуская к основному театру. И до того как все начнется.
- Майор согласно кивнул.
- Принято? – спросил подполковник общее мнение.
- Принято, – за всех ответил Парамоша.
- Теперь дополнения. Слушаю всех...

2

Шерхан любит брата.

И случись что, всегда готов прийти на помощь ему, старшему и более сильному. По-своему сильному. Сам Шерхан имеет силу власти и хитрость, знает, когда следует воспользоваться коварством. Батухан имеет силу оружия и отвагу, но тоже умеет делать засады. Что в данном случае сильнее – неизвестно. Но случись что-то, Шерхан всегда готов прийти на помощь. Всегда. Ему нравится так думать. От этого он сам себе кажется лучше и сильнее.

Брат наконец-то отпустил его плечи из своих загрубевших рук. Шерхан сел за стол сбоку, между братом и мамой, как и полагается младшему, хотя в этом доме хозяин он, и сейчас старший брат сидит на его обычном месте в торце стола. Дом мамы и дом брата в Асамгах. Наверное, уже совсем дом разграбили. Батухан неподалеку обитает. Всегда вернуться может. Впрочем, если не посмели открыто, то потихоньку, ночами, наверняка все тащат. Такое время и такой народ...

Пауза в разговоре затянулась.

– Мои где? – спросил наконец Шерхан, хотя знал, что его жена Батухана недолюбливает и всегда говорит открыто о том, что старший брат не только свою жизнь погубил, но и младшему жить мешает. Самому Батухану говорит в лицо. Не любят они друг друга. Но отвечать женщине брат считает ниже своего достоинства. Ее это еще больше оскорбляет. Бату, когда приходит, не видит ее, Гульчахра, когда он приходит, не выходит из комнаты.

– У себя, – сказала мама. – Я не велела им выходить, – и мягко оправдалась: – Мало ли что скажут дети... Шрам Бату где-то вспомнят... Могут заподозрить. Это повредит тебе.

Батухан громко и горько усмехнулся:

– Успокойтесь... Я, брат, больше вредить тебе не буду. И спать ты будешь спокойнее, и совещание тебе проводить не помешаю. Даже помочь могу. Если конкуренты донимать будут... В Турции связь устойчивая, не то что у нас... Я буду тебе позванивать. Редко. Чтобы никто не подумал о тебе плохо. И ты мне звони. Я понимаю, что такое работа во власти. Когда тебя со всех сторон шакалы окружают, плачут и плачут ⁶, и съест пытаются. Позвони, я приму меры оттуда. Скажу кому следует, шакалов усмирят.

– Ты не собираешься возвращаться?

Против желания в голосе Шерхана прозвучала неприкрытая надежда. Он сам почувствовал это. И Батухан почувствовал. И опять усмехнулся. Горько. С затаенной обидой, которую человек старается в себе подавить, внутрь загнать, чтобы не слышать голос разума. Но он хорошо, слишком хорошо помнит детство брата, помнит себя в то время, уже почти взрослого. Он тоже любит брата и прощает ему естественное чувство самосохранения. Мама уже рассказывала о политических амбициях Шерхана. Много раз рассказывала. О великих планах. Сам по характеру откровенный лидер, Бату брата одобрил.

К власти следует стремиться, если ты сильный мужчина. За власть следует бороться. Разные есть пути. Какой предпочтет младший брат – это его дело.

– На что ты можешь претендовать в правительстве? – вместо ответа на вопрос задал Батухан свой.

– Я ни на что не претендую в правительстве. Премьера Москва ставит. Чтобы президента контролировать. Мне это неинтересно. Мое время придет чуть позже.

– Шер, ты хочешь стать президентом?

– Нынешний президент нужен только сейчас. Он не только служитель Аллаха, он еще и воин. Жесткая рука. Но положение стабилизируется...

– Оно никогда не стабилизируется.

– Это я знаю. Оно не стабилизируется полностью. Но все же стабилизируется до определенного уровня.

– Пусть так. Пусть наступит стабилизация. Определенная...

– И тогда нужен будет не воин, а строитель.

– То есть Шерхан Дзагоев.

– Да.

– И у тебя есть для этого силы?

– Я собираю для этого силы. Я собираю мнения. И отношение людей. Репутацию. Это очень важно.

Бату задумался на несколько секунд.

– Мне кажется, наш народ всегда пойдет за сильной рукой. Он захочет, чтобы сильная рука указывала строителю, что следует строить.

– Ты плохо думаешь о своем народе. Он разумный.

– Это ты плохо думаешь о своем народе. Он сильный и гордый.

– И хитрый...

– Ладно. Я не о народе приехал рассуждать. Если у тебя будут шансы, я вернусь и помогу сильной рукой. И других сильных с собой приведу тебе в помощь. Но этим сильным нужна будет гарантия.

– Какая гарантия?

– Они все так же не устроены в жизни, как и я...

– То есть они все находятся в розыске?

– Можешь это называть так. Им нужна гарантия безопасности.

– Я думаю, что потом что-то сделать будет можно.

---

⁶ Крик шакала похож на детский плач.

Шерхан сам понял, что он обманывает. Если брат вернется с боевиками, то они как раз и будут разрушителями этой стабильности. Но отказаться прямо он не посмел. Хотя путь отступления для себя все-таки подготавливать начал.

– Единственное, что меня смущает, появление боевиков будет противоречить тем принципам, которые я собираюсь утверждать. И уже начинаю постепенно формировать их сейчас. Во мнении окружающих.

Бату усмехнулся:

– А мама говорит, что тебя окружают одни шакалы...

– Мама говорит о ближайшем окружении. Не они будут выбирать путь. Выбирать его будут люди попроще. Которые сейчас не знают, чем заняться. Я был недавно в Ингушетии. Там простой народ совсем иначе живет. Их не просто заняли, их загрузили делами, и они не думают о войне. Они хорошо живут. И наши люди хотят жить так же.

– Ты мыслишь как ингуш. Или как чеченец. А мы с тобой по крови ичкерийцы ⁷.

– Я стараюсь мыслить более широко, выходя за пределы горных хребтов. И в этом моя сила.

– Брат, ты совсем не похож на прежнего маленького Шера.

– Я вырос, брат. Ты тоже уже не похож на школьного учителя.

– Наверное. Ладно. Это все дело будущее. Я к тебе пришел с делом настоящим.

Шерхан насторожился.

– Я уезжаю. Как мне и моим детям будет житься в Турции, я не знаю. Я даже не знаю, смогу ли я добраться туда живым и здоровым...

Взгляд исподлобья добавил к настороженности опасение.

– Скажи-ка мне, Шер, ты имеешь возможность выгодно вложить большие деньги?

Нет. Шерхан думал, что брат будет у него просить деньги. Оказывается, наоборот.

– Думаю, что смогу. Более того. Я думаю, что смогу это сделать лучше других во всей Чечне. Конечно, я не берусь сравниваться с теми, кто торгует наркотой или оружием. Но в любой другой сфере я могу получить максимальную прибыль. Только это должны быть долгосрочные вложения. Чтобы с меня их не потребовали через пару месяцев. Лучше, если это будут деньги безналичные. Впрочем, отмыть «наличку» можно за минимальный процент.

Он не сказал, что процент от перевода наличных в безналичные пойдет ему. Ни к чему это знать брату. Бату никогда не был деловым человеком и ничего не смыслит в бизнесе.

Батухан ждал, не торопясь с предложением.

– Сколько у тебя?

– Полмиллиона баксов.

Не удивится ли брат такой большой сумме? Нет. Брат не удивился. Для него это не слишком большая сумма. То есть большая даже для него. Но когда постоянно работаешь с суммами гораздо большими, пусть и государственными, можно позволить себе не показывать своего состояния.

– Не фальшивки?

– Нет. Проверено.

Хвататься сразу, сразу много обещать – это не дело. Тогда брат может засомневаться. Сначала следует подумать, постучать по столу кончиками пальцев. Вот так... Вот так... А потом и согласиться.

– Я помогу тебе. И даже знаю заранее, во что вложу деньги. Если ты согласен дать мне на раскрутку такой суммы хотя бы три года.

---

⁷ Традиционно принято считать ичкерийцами жителей горных районов. Чеченцы – жители равнин. Чеченцы ближе по характеру к ингушам. Ичкерийцы воинственны и относятся к другим вайнахам с легким пренебрежением. Во всех войнах они составляли костяк армии. Все раздоры шли именно из Ичкерии.

– Я дам тебе пять лет. На пять лет спокойной жизни мне и моей семье у меня денег хватит. Это уже откровенно выгодно. За пять лет такие деньги можно обернуть многократно и обеспечить тылы не только брату, но и себе.

– Это будет еще лучше. Я готов представить тебе отчет в любое время. Чтобы ты не сомневался.

– Куда ты думаешь вложить их? Я могу знать?

– По прогнозам на будущее лето, у нас ожидается небывалый строительный бум. Этот вопрос уже обсуждался на заседании правительства. И обговаривался дефицит средств на производство строительных материалов. Я бы построил свой, то есть твой кирпичный завод. Естественно, официально им владел бы другой человек. Даже сеть таких заводов по всей Чечне. Сеть заводов – это монополия и возможность не подпустить к бизнесу конкурентов.

– Все пятьсот тысяч в кирпичи?

– Необязательно. С такой суммой невозможно работать без бизнес-плана. Необходимо будет просчитать систему. Можно произвести очень много, небывало много кирпичей, но они останутся невостребованными, потому что на них не хватит строительного раствора. Значит, в дополнение к кирпичным заводам неплохо иметь бы и свой цементный завод. И деревообрабатывающий комбинат. И кучу сопутствующих производств. И даже свою строительную организацию, чтобы строить дома и продавать их целыми кварталами.

Шерхан не сказал, что это его давняя мечта. Он давно просчитал все возможности, давно прикинул, что и где можно построить. Он был строитель в душе. Только он не знал, где взять деньги. А отдавать такую выгодную сферу деятельности государству – просто смешно. Глаза его загорелись. Он и говорил о деле, как о мечте.

– Этих денег не хватит, – попытался отрезвить размах фантазии старший брат.

– Именно потому я и прошу больший срок. Чтобы первую же прибыль пустить на другое производство. Понимаешь?

– В общих чертах. Только в общих чертах, – Батухан выглядит слегка растерянным. Словно сомневается. – Это совсем не сфера деятельности полевого командира. И учителю литературы с этим разобраться тоже трудно. Я хочу полностью положиться на тебя. Если сможешь, оформляй документы на моего сына.

– Ему только тринадцать...

– Нельзя?

– Когда подрастет. Через пять лет Арслану будет восемнадцать. Тогда и оформим.

– Он приедет через пять лет. Если я не приеду раньше... – дополнение прозвучало не угрозой, а предупреждением. – Хорошо. Я согласен.

Шерхан выдержал паузу, чтобы не показать торопливости, и только потом спросил:

– Деньги с собой?

– Нет. Они в горах, в тайнике. Нам придется встретиться еще раз. Ты сможешь приехать в Асамги?

– Смогу только через три дня. Приеду вместе с мамой. Чтобы было меньше подозрений. Старший брат улыбнулся:

– Там мы и встретимся... Я позвоню тебе...

ГЛАВА 4

1

К утру мороз ударил нешуточный. Это стало понятно сразу, как только подполковник Разин шагнул в штабную комнату из казармы. Даже поежился.

Он включил электроплитку и поставил чайник.

– Отдыхай, – отослал дежурного.

Под утро дежурить выпало лейтенанту Сокольникову. Тот молча, привычно для себя, кивнул, не посчитав нужным ответить уставными словами, как ответил бы где-то в расположении части, аккуратно вложил в книжку, которую читал, закладку – неиспользованную московскую магнитную карточку метро, и прошел в казарму.

– Дверь не закрывай, – сказал вдогонку Разин.

Из казармы несло теплом. Это не позволяло чувствовать себя брошенным из постели в прорубь. И давало время проснуться окончательно.

Электронный будильник на подоконнике показывает время: шесть пятнадцать. Этот будильник в каждую командировку возит с собой, как талисман, майор Паутов. Точно так же, как Сокольников перед командировкой покупает новую карточку на десять поездок в метро. И не беда, что командировка может затянуться, а карточка имеет ограниченный срок годности. Не использовал – уже никогда не используешь. И не надо. Главное, что карточка есть. Обязательно неиспользованная. Свой талисман – на удачу, имеет каждый боец мобильной группы. Разин считает талисманом свои перчатки. Уже четвертый год носит. Зашивает сам, не доверяя жене, когда расходятся швы. А они расходятся часто, когда приходится кулаком поработать. Даже на занятиях. И пока удача с ним. Даст бог... Доносит до пенсии... Через год соберется, хотя выслуга уже сейчас есть. Много по «горячим точкам» помотало. Там выслуга идет по формуле «год за три». Но пенсионером себя пока чувствовать не хочет. Может, и на будущий год не уйдет. Здоровье позволяет – можно воевать! А сердце пошаливает – у кого оно не пошаливает... Временные неудобства. Подумает еще. Может, послужит. Глядишь, и дадут полковника. Сейчас проще с этим стало, хотя даже у командующего всем спецназом ГРУ по-прежнему только полковничья должность.

В углу, рядом с входной дверью, стоит полупустое помойное ведро. Подполковник ополоснул кипятком свой бокал – это не талисман, хотя уже в третью командировку попадает. Стекланные и керамические талисманы слишком ненадежны. Бьются. Потому лучше не рисковать и не доверять свою удачу бьющимся предметам.

Заварил, как обычно, две ложки чая. Дождался, когда чай настоится, и стал отпивать маленькими глоточками, окончательно просыпаясь. И, только добравшись до половины бокала, ощутил нужную бодрость. Тогда встал, сбросил на стул одежду и пошел на улицу умываться.

Во дворе темно. Только дежурная лампочка на столбе качается на ветру, причудливо играя с неверными тенями. Смерзшаяся земля хрустнула под каблуками. Вода в металлической бочке за ночь покрылась толстой коркой льда. Пришлось трижды ударить рукояткой ковшика, чтобы пробить достаточную лунку и зачерпнуть воду.

Подполковник умывается, фыркает, как кот, а думает о деле.

Батухан наверняка пожелает уйти через перевал до установления прочного снегового покрова. Сейчас этот покров то ложится, то сходит на солнышке, сползает к полудню в обычную грязь склонов. В народе никто не верит, что пришла зима настоящая. На дворе всего-то середина октября. По большому счету, для Северного Кавказа это то же самое, что «бабье

лето» для Центральной России. И обычных осенних дождей еще не было. Правда, синоптики не утешают. Попугивают... Хотя и они не утверждают, что наст на перевалах установился постоянный. А вот когда он встанет действительно прочно, уже сделает переход опасным – следы выдадут любого. Да и сам переход не каждому легко дается. Там, наверху, всегда мороз. А если добавится ветер, который спецназовцы зовут мордобреем, совсем мало приятного. И Меченый это прекрасно понимает. Но есть у него в отряде, согласно слухам, проводник, который водит одному ему ведомыми тропами. По крайней мере, пограничникам ни разу не удалось засечь отряд Дзгоева при переходе границы. А сам Батухан хвастает, что каждую зиму проводит «отпуск» за границей.

Один за другим выходят на улицу офицеры группы. Возле бочки собирается толпа. Смеются, брызгаются. Майор Паутов окунает прямо в бочку с ледяной водой голову старшего лейтенанта Парамонова. Мстит за сны, которые кажутся майору непорядочными.

– Я же в такой воде плавать не умею... – вырывается Парамоша.

Время есть, отчего же не повеселиться. Сейчас, после умывания, начнется самое интересное – ежедневная тренировка по рукопашному бою. И солдаты-внутривойсковики, и их офицеры уже готовы выскочить на улицу, чтобы полюбопытствовать. Для них подобные зрелища в диковинку. Тренировки проводятся в жестком контакте, иначе в них мало смысла.

Обычно вместе со всеми тренируется и сам подполковник, хотя за все время службы ему пришлось всего несколько раз участвовать в настоящей рукопашной схватке. Рукопашная схватка – это привилегия ОМОНа. Омоновцам и применять свое мастерство доводится чаще. Но служба у спецназа ГРУ такая, что никто не скажет точно, когда и что может понадобиться. Поэтому уметь следует все, и уметь лучше, чем это делают другие. Потому что омоновцам, как правило, противостоят малоподготовленные противники. А спецназу приходится встречаться с профессионалами.

Но сегодня подполковнику не до тренировки...

* * *

Кеслер встретил Разина уже в гулком коридоре. По предупреждающим шагам узнал и вышел за дверь. Подполковника нетерпеливо ждали.

– Извините, – сказал руководитель миссии, пожимая протянутую руку. – Наши врачи желают поговорить с вами. Правда, они владеют русским языком плохо. Поэтому мне придется переводить.

– Я готов, – ответил Разин и проследовал в сторону кабинета, на который Кеслер показал приглашающе рукой. Другой кабинет, не тот, где вечером собирали какую-то аппаратуру.

Это оказался обыкновенный школьный класс со старыми партами, которые так и не вывезли, хотя порядком изломали на дрова. Взрослым людям сидеть за этими партами оказалось неудобно, и потому австрийцы сели на них. Четверых мужчин по возрасту и по уверенности, с которой они держатся, Разин сразу определил как врачей. Четверо молодых женщин, скорее всего, медсестры. Впрочем, поскольку решено было не менять медсестер на спецназовцев, это уже не имело значения.

Подполковник, как школьник перед учителями, встал к доске.

– Я в общих чертах обрисовал ситуацию, но у нас несколько вопросов, – сказал Кеслер.

– Я готов ответить.

– Что за чеченский командир собирается взять нас в заложники? – спросил самый пожилой по возрасту врач, покручивая в пальцах незажженную сигарету.

– Его зовут Батухан Дзгоев, – начал рассказывать Разин. Кеслер взялся переводить сразу, из-за чего подполковнику пришлось часто останавливаться и брать паузы. – Некоторое время назад у него был достаточно большой по численности отряд, состоящий в основном из жителей

ближайших с Асамгами сел. В ходе боев с федеральными силами часть отряда была уничтожена. С некоторой стабилизацией обстановки в республике большинство оставшихся боевиков сложило оружие и разошлось по домам, предпочитая мирный труд воинскому ремеслу. На них распространился закон об амнистии. Вместе с командиром осталось около пятнадцати человек. Из них несколько арабских наемников, для которых основное ремесло – грабеж и похищение людей. Все оставшиеся находятся в федеральном и международном розыске. Сам Батухан Дзгоев носит кличку Меченый. Кличку дал шрам на лице. Осколок гранаты поцарапал щеку и оставил глубокий след. Это бывший учитель русского языка и литературы. Человек грамотный, имеющий целый ряд достоинств как командир подразделения. Начал специализироваться на похищении иностранцев около пяти лет назад. Выкуп, как правило, требует не слишком большой в сравнении с другими командирами-похитителями. И ждет, когда родственники смогут собрать деньги. Ни одного человека он не вернул без выкупа, но одному из заложников, французскому журналисту грузинского происхождения, удалось бежать, когда отряд вместе с ним находился на территории Грузии. Вполне возможно, что вы читали его книгу. Она увидела свет около года назад. Там подробно описываются все ужасы плена и все издевательства, которым заложники подвергаются. На счету Меченого двадцать одно похищение. Дважды его самого пытались захватить во время обмена заложников на деньги – сначала Министерство безопасности Грузии, потом бригада Интерпола, но он не попался на уловки спецслужб.

Вопрос задал другой врач, совершенно не говорящий по-русски. Кеслер перевел:

– Как Дзгоев относится к заложникам? Он кого-то из них убил?

– Нет. Жертв среди заложников не было. Отношение же к ним хорошим назвать я бы не рискнул. Из рассказов того же французского журналиста известно, что его избивали специально каждый раз перед съемкой на видеокамеру. Чтобы видно было свежую кровь, и желали, чтобы этой крови было больше. Трижды перед объективом видеокамеры отстреливали заложникам пальцы. Эффект устрашения. Кассеты с записью отсылались родственникам. Что касается остального... Собак в селах чеченцы кормят лучше, чем заложников. Тем более в горах, где количество пищи ограничено и случается, что сами боевики живут впроголодь. Как правило, все похищенные худеют минимум на четверть своего веса. Даже самые худые. Трижды среди заложников оказывались женщины. Все они были многократно изнасилованы.

– Нам хотелось бы знать, как вы хотите проводить свою операцию, – сказал третий врач. – Это будет захват или перестрелка?

– Мы заменим ваших милиционеров-охранников на своих людей. Бандитов будет больше. Перестрелки и даже рукопашной схватки избежать не удастся. Без сомнений, будут жертвы. Возможно, и среди нашего состава, поскольку боевики имеют хорошую специальную подготовку. Особенно арабские наемники.

– Но можно же увеличить ваш численный состав... – от себя сказал Кеслер.

– Меченый слишком опытный и осторожный командир, чтобы не обратить внимание на мелочи, которые могут его подвести. Он, несомненно, предварительно проведет разведку и выставит посты наблюдения.

– Но, в таком случае, наша миссия тоже находится под угрозой?

– Едва ли. Сейчас боевики не в той силе, что раньше, и, встретив сильное сопротивление, сразу стараются отступить. Наша задача осложняется тем, что нам необходимо не только обезвредить банду, но и найти ее базу, где спрятаны три заложника, о которых я уже говорил. Поэтому мы вынуждены будем дать им отступить, чтобы иметь возможность преследовать.

– Ничего не понимаю, – сказал пожилой врач. – Вас численно будет меньше, но вы тем не менее собираетесь преследовать противника?

Подполковник избежал пугающего иностранцев слова «спецназ».

– Мы имеем специальную подготовку для проведения подобных мероприятий, – мягко сказал он.

Кеслер посмотрел на часы и поднял обе руки, обращенные ладонями к коллегам, показал, что разговор закончен. И повернулся к Разину:

– Мы предварительно уже все обсудили. Признаюсь, у нас были сомнения, но наличие заложников заставило нас согласиться. Мы желаем помочь вам освободить их. И потому выражаем готовность. Как дело будет обстоять в реальности?

– В реальности... Вы выезжаете точно так, как собирались выехать. Завтра в двенадцать часов. По дороге вам встретится военная машина. Остановитесь. В машину пересядут милиционеры, мы сменим их. Я просил бы вас перенести стоянку на окраину села. Там есть подходящая площадка недалеко от дороги.

– В центре села нам было бы удобнее работать, – возразил пожилой врач.

– Батухану Дзгоеву тоже легче работать в центре села. Там он имеет возможность взять в заложники не вас, а мирных жителей, и уйти, прикрываясь ими.

– Мы поняли, – кивнул Кеслер. – И согласны.

Расставшись с австрийцами, подполковник достал из кармана маленькую пробирку, из пробирки еще более маленькую таблетку и положил себе на язык. Нитроглицерин показал свое традиционное действие. Заложило уши и стало резко распирает голову. Но ощущение прошло через три секунды...

2

Проводив брата до ворот – тот ушел в сопровождении трех боевиков, занимавших посты во дворе, Шерхан вернулся к маме. Она так и не покинула места за столом, в раздумье потирая поочередно фаланги всех пальцев – такая у нее привычка.

– Ты доволен? – спросила она и подняла светящиеся глаза. И не подумаешь, что они с возрастом стали подслеповатыми. Глаза эти сейчас сияют чуть ли не радостью, несмотря на прощание со старшим сыном. Впрочем, проститься в последний раз им еще представится возможность, когда она вместе с Шерханом поедет в Асамги за деньгами.

– Чем я могу быть доволен? – спросил он ответно. И явственно показал при этом свое удивление. Шерхан давно привык держать свои истинные чувства на замке даже перед близкими людьми. И что бы мама ни говорила сейчас, он должен показать ей именно то, что она должна увидеть.

– Твой брат не только сам покидает страну, он еще и помогает тебе финансово.

Шерхан улыбнулся, словно подчеркнул этим наивность мамы.

– Ты не права, мама... Это я помогаю ему финансово, а вовсе не он мне. Я рискую, вкладывая чужие «черные» деньги в легальное производство. Конечно, риск не такой и большой, потому что никто не спросит меня, откуда такие средства. Кроме того, я буду делать это через подставных лиц, в которых полностью уверен. Тем не менее случайная проверка или чей-то болтливый язык могут поставить меня в неприятное положение. А мне от этого какая выгода? Эти предприятия будут через пять лет принадлежать Арслану. Значит, по просьбе брата я только забочусь о своем племяннике, твоём внуке. Конечно, это благое дело, которым можно гордиться, и взялся я за него с удовольствием. Впрочем, когда я стану занимать пост выше нынешнего, то очень, думаю, неплохо будет иметь поддержку целой отрасли республиканской промышленности. Как ты считаешь?

Хорошо зная своего любимца, мама только улыбнулась. Она лучше других понимает, что младший сын никогда не останется на «черный день» ни с чем. И, проявляя благую заботу о своем племяннике, её внуке, не забудет и свои интересы. Он всегда умеет хорошо устроиться в жизни. С женской точки зрения, эта черта характера гораздо важнее, чем умение воевать.

Шерхан словно прочитал её мысли. И постарался перевести разговор в иное русло.

– Конечно, от тебя я не скрою, что и мне кое-что достанется. Когда придет время поднять голову, я не смогу сделать это без посторонней финансовой помощи. А тут помощь будет легальная. Причем я не буду вынужден расплачиваться за нее покровительством кому-то постороннему. Понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю...

Она всегда поддерживала стремление сына сделать карьеру. И верила, что сын сможет добиться гораздо большего, чем нынешний его пост. И стоило Шерхану заговорить о будущем, мама сразу становилась добродушной и мечтательной. И на все была согласна. Шерхан часто пользовался этим. Именно так он и действовал, когда вынудил маму уговорить Батухана покинуть страну навсегда.

– Понимаю, Шер... Ладно, иди отдыхать. Сам говорил, что завтра у тебя тяжелый день... Я тут еще со стола уберу, потом тоже лягу.

Обычай не велел сразу после ухода гостя убирать со стола. Иначе гостю не будет в этот дом дороги. И слова мамы подчеркнули, что она больше не хочет принимать у себя старшего сына.

Она его отправила...

* * *

Шерхан ушел в спальню. И застал Гульчахру сидящей в кресле у окна.

– Не ложились?

Он сам почувствовал, как звучит его вопрос. Словно извинения просит. Так, конечно, не надо. Так собака виновато хвостом виляет, когда ее бьет хозяин. Но поделаться с собой ничего не смог. С женой он всегда разговаривал только так.

– Не ложились.

Ее голос не предвещает ничего хорошего. Это голос сурового армейского командира, а не жены.

– Не сердись... – Шерхан всегда сам старается сгладить шероховатости в отношениях. Знает, что жена на попятную не пойдет никогда. Может месяц разговаривать сквозь зубы и отворачиваться в постели.

– Надеюсь, твой братец не остался у нас ночевать?

– Он разве оставался хотя бы раз?

– От него всего можно ждать.

– Он уезжает насовсем.

– Куда? – теперь в голосе звучит недоверие и надежда.

– В Турцию. К своей семье.

– Слава Аллаху!

Он добродушно усмехнулся. Шерхан отлично знает, что у Гульчахры нет причин так плохо относиться к Батухану. Тем более что сам Батухан всегда относился к ней хорошо, разве что с некоторой долей равнодушия, пришедшего в ответ на неприятие его Гульчахрой. Но в первое время и она не тяготилась им. До той поры, пока он однажды не стал рассказывать ей, как заботился о нем брат после смерти отца. Как воспитывал его, как защищал и учил быть мужчиной. Она поняла, что Батухан имеет на Шерхана сильное влияние, и это Гульчахре очень не понравилось. Ей не нравится даже то, что властная мама имеет на него влияние. Жена всегда сама старается править. Муж должен принадлежать только ей, и никто больше не смеет управлять им.

Чтобы избегать ссор, Шерхан с женой соглашался, улыбался ее властности, но делал, не переча на словах, по-своему. Так как он находил нужным. Сам он всегда видел, кто и в какой ситуации пытается править им. И давно научился якобы соглашаться со всеми и поступать

иначе. Это было еще в детстве с братом и с мамой. Теперь это же происходит с женой. И точно так же, как мама не должна знать, что творится в душе у сына, так и жена не должна знать этого. Они действуют исходя из эмоций, а он всегда опирается на расчеты разума. И оказывается правым.

– Мы еще увидимся с ним перед отъездом...

Шерхан начал раздеваться.

– Опять приедет?

Он выдержал паузу, аккуратно вешая брюки на спинку стула.

– Нет. Мы с мамой съездим в Асамги. Там и встретимся с Бату.

Теперь она выдержала паузу, подыскивая, должно быть, довод против этой поездки. Но довод сразу не пришел, и она сказала просто:

– Тебе это очень надо?

– Очень. Он оставит мне пятьсот тысяч долларов...

С этой фразой он забрался под одеяло, зная, какое беспокойство поселил в душе жены, любительницы считать деньги.

– Мне завтра идти к президенту. Надо как следует выспаться.

Она не ответила. Должно быть, уже начала считать.

* * *

Утро нового дня началось обычно.

Машина с охранником и следующий за ней «уазик» с милиционерами сопровождения подъехали к воротам. Милиционер внутренней охраны открыл калитку, обменялся рукопожатием с приехавшим охранником. Вышел Шерхан. Дверца заднего сиденья «Волги» уже распахнута. Он сел, охранник закрыл дверцу и дернул за ручку, проверяя, как дверца закрыта.

Привычный маршрут, выполняемый в привычное время.

Шерхан думал об утреннем разговоре с женой.

– Полмиллиона долларов... И что ты собираешься с ними делать?

– Это не наши деньги. Бату дает их на пять лет, чтобы я вложил их в строительную промышленность. Через пять лет предприятия перейдут к его сыну.

Гульчахра оторопела.

– Полмиллиона долларов...

У нее с утра слегка припухло лицо. Должно быть, долго не спала и мечтала о домике на Кипре. Это ее старая мечта. Шерхан соглашается, когда-нибудь ей нужен будет этот домик. Но не сейчас. О домике будет известно всем и сразу. И это может повредить карьере и общественному мнению. Конечно, он сыграл с женой злую шутку, не рассказав ей всего вечером. И она очень рассердилась за это.

– Успокойся, – положил Шерхан ей руку на локоть. – Я сумею обернуть эти деньги так, что нам достанется не половина, а несколько миллионов... Но, учти, не сразу...

Она удивленно подняла глаза.

Шерхан ответил мягкой улыбкой. На том и расстались.

Машина миновала район приличных особняков и въехала в городские кварталы.

Министру строительства положено чаще смотреть на разрушенный город. Эти дома с проломленными стенами... Окна без стекол... С него за это спросят. И он готов ответить. Он знает, что является хорошим и знающим свое дело министром. К сожалению, на него взвалили еще и коммунальное хозяйство. Но и с этим Шерхан разберется. До всего руки дойдут. Сейчас главное – подготовиться к зиме. Отремонтировать то, что можно отремонтировать. Что нельзя – снести. Снос уже идет в городе полным ходом. Как, например, жить вот в этой пятиэтажке,

если у нее развален взрывом целый угол? Угол – связующее звено всего здания. Это знает каждый строитель. Значит, надо сносить безжалостно...

Шерхан присмотрелся к полуразрушенному дому. Ему показалось, что он увидел в пустом чернеющем окне огонек сигареты. Неужели там кто-то еще живет?

...И в это время раздался треск пробиваемого стекла машины. Из окон здания стреляли два автоматчика.

Шерхан почувствовал боль в плече. Он упал на сиденье, чтобы избежать следующих пуль, и почувствовал, как резко возросла скорость «Волги». Водитель попытался уйти из-под обстрела.

Откуда-то сзади раздались новые автоматные очереди. Милиционеры из машины сопровождения открыли ответный огонь. Шерхан хотел приподняться, чтобы посмотреть сквозь заднее стекло.

– Лежать! – решительно и даже грубо рявкнул охранник, в руках которого появился неизвестно откуда взявшийся пистолет-пулемет «узи».

А вторая рука набирала кнопки на трубке «мобильника».

– Больница! Алло! Больница? Приготовьтесь к приему. Совершено покушение на министра строительства. Министр ранен. Сейчас будем у вас.

Ранен? Только тут Шерхан сообразил, что боль в плече – это ранение. Пуля, должно быть, прошла навывлет потому, что он сидел, развернувшись в сторону окна. Если бы он сидел так, как сидит обычно, ему наверняка пробило бы пулей шею или голову...

Он задрал голову и посмотрел на стекло. Оно не разбилось, пропустив пули через себя. Четыре отверстия, вытянутые цепочкой.

Машина приблизилась к больнице. На крыльце стояли два врача, два санитары, поставившие стоя раскладные носилки, и два дежурных милиционера. Автоматы милиционеров смотрели в стороны.

ГЛАВА 5

1

Возвращаясь от австрийских врачей, Разин сделал небольшой крюк и увидел свет в знакомом окне районного отдела ФСБ. Он не надеялся застать нужного человека так рано.

Дверь была уже открыта. За дверью солдат-часовой, сразу шагнувший навстречу с вопросом в лице, который он произнести еще не успел. Но одновременно такой же шаг с другой стороны сделал и дежурный по отделу, протянул руку для рукопожатия. Солдат отступил.

– Смотрю, у Страхова свет в окне...

– В час ночи приехал. Ночевал здесь, – ответил дежурный. – Пройдите, товарищ подполковник. Если свет горит, значит, уже проснулся.

Разин, скрипя деревянными ступенями, поднялся на второй этаж, дважды стукнул в знакомую дверь.

– Да-да... – раздалось в ответ.

– Ни сна, ни отдыха измученной душе, – сказал подполковник, переступив порог.

Капитан Страхов шагнул навстречу.

– Вы тоже птичка ранняя.

– Дела стараемся делать, чтобы прослыть людьми деловыми в деловом отношении... – скаламбурил Разин и сел на стул у стены. – Николай Николаевич, у тебя какая есть подробная карта района Асамги?

– Топографическая есть. Старая. Со всеми подробностями времен тридцатилетней давности. Есть аэрокосмическая съемка... Чуть помельче масштаб. Но более подробная. Современная. Есть еще...

Разин стукнул ладонями по коленям, жестом показывая бессмысленность дальнейшего перечисления.

– Вот такую именно мне и надо. Космическое око... Сможешь выделить экземпляр для операции?

– Только через полчаса. Когда «секретчик» подойдет. Все карты у него. Чай будете? Только что заварил... Специально, будто гадал, к вашему приходу.

– Буду. Если не жалеешь заварку.

Капитан проявил себя гостеприимным хозяином, только чай налил не в привычную руке подполковника объемную полулитровую тару, а в небольшие чашки. Но на крепкость напитка Разин пожаловаться не смог. Уважили его.

– В Асамги, я слышал, собираются эти придурки из миссии «Врачи без границ»... Неплохо было бы их использовать, товарищ подполковник, но... не согласятся...

– Согласились, – сказал Разин. – Я сейчас как раз от них.

– Сумели договориться?

– Сумел. Им очень хочется почувствовать себя героями и принять участие в освобождении тех итальянцев и француза.

– Осторожнее надо. Батухан кого-то из врачей завалит, скандал поднимется несусветный.

– Постараемся такого не допустить. Поедем в форме милиции. Охрана. Миссии четыре человека в охрану выделили.

– Я бы порекомендовал настоящих ментов до окончания операции держать в отдельном помещении без средств связи. У нас тут все они повязаны в родственных и прочих отношениях. И не знаешь порой, от кого чего ждать.

– Мы так и предполагаем. Меняться местами будем на дороге, без чужих глаз. Ментов в закрытой машине доставят в наше помещение и оставят там под присмотром часового.

– Разумно. Чтобы скандала не было, я могу оформить это через нашу контору. В связи с оперативной необходимостью... С нами местное МВД пока еще считается.

– Это было бы прекрасно, хотя я сам на скандалы внимания не обращаю. Еще бы чайку, если можно...

Страхов налил еще чашку. Одновременно поинтересовался:

– План операции утвердили?

– Его утверждаю я. А потом даю готовый результат вместе с отчетом. В прошлую командировку было два случая, когда после утверждения плана мы никого не заставляли на месте. Теперь я ученый...

– Хорошо вам, когда собственное начальство далеко. Нам так не позволяют. Требуют работать в тесном контакте и с местными властями, и с внутривойсковиками. Чтобы ни одного самостоятельного шага. Посидите пару минут... Я спущусь на первый этаж. Может, «секретчик» уже подошел. Карту брать на ваше имя?

– Вот это нежелательно. Опять могут возникнуть вопросы. У вашего же руководства.

– У нашего возникнут, даже если я возьму на свое имя. Но наше руководство к вашим действиям отнесется лояльно. Если местные власти начнут выступать по поводу вашей операции, наши просто разведут руками – ничего не видели, ничего не знаем...

– Приятно. Но лучше возьми на свое имя. Я возьму у тебя по акту.

Капитана не было около пяти минут. За это время Разин успел полностью опорожнить чайник, не разбавляя заварку кипятком. Карта, которую Страхов сразу развернул на столе, оказалась в самом деле очень подробной.

– Сгодится?

– Даже очень. Это для моих снайперов. Им следует вычислить, где Батухан выставит своих, а потом их обезвредить.

– По карте?

– По карте вычисляют наиболее удобные места. А потом держат эти места под визуальным контролем.

– Когда выезжаете?

– Мы, четверо, за час до австрийцев. Следовательно, завтра в одиннадцать. Пятерых отправлю сегодня после обеда. Снайперов и разведчиков. Придется им в лесу ночевать. Надеюсь, не просквозит...

– Ни пуха им...

– К чертякам!..

* * *

Занятия по рукопашному бою всегда проходят еще в темноте. Но болельщиков собирают, хотя это и происходит каждое утро, немало. К приходу подполковника все уже кончилось, спецназовцы вернулись в казарму, а местные внутривойсковики все еще стояли на улице, обсуждая зрелище и показывая друг другу что-то, нелепо размахивая необученными кулаками и ногами. У Разина такой показ вызвал улыбку. Улыбка стала слегка горькой, когда он заметил, что тем же самым, но еще более неумело, занят и начальник боевой подготовки части. Неуклюже показывает «правильное» нанесение удара ногой. Как он может готовить солдат, если сам ничего не умеет.

– Нога разгибается только в самый последний момент, – проходя мимо и не останавливаясь, подсказал подполковник, – иначе вас сразу за нее поймают и ответят пинком между ног!..

У внутренних войск есть свой хороший спецназ. И держать бы его здесь, в районе постоянных конфликтов на базовой основе. Говорят, скоро так и будет. Несколько лет уже так говорят. А пока без стеснения используется «на полную катушку» прикомандированный, но не подчиненный спецназ ГРУ, и в такие же командировки иногда гоняют своих. Хотя в подобном положении вещей, может быть, и есть свое рациональное зерно. Спецназ ГРУ имеет возможность работать самостоятельно, стоит только дать ему конкретное задание. А спецназ внутренних войск обязан согласовывать свои действия с местным МВД. Это не только постоянный тормоз. Это еще и частое предательство, откровенная подставка и прочие аналогичные неприятности.

Разин напрямик прошел в свою казарму, чувствуя за спиной провожающие взгляды. Он, как и остальные спецназовцы, к этим взглядам привык. На них всегда смотрят, им стараются подражать. Им и помогать полезли бы, долго не раздумывая. Их повседневная работа считается чуть ли не подвигом. А вот отрабатывать каждый удар до двадцати потов сможет не каждый. Но и это не главное. Желających и умеющих хорошо и даже отлично драться – пруд пруди. А кто из других частей сможет так же, как они, без движения и звука просидеть ночь на морозе, сохраняя полное внимание и готовность в любой момент вступить в бой. А после этой ночи заочевенными пальцами снять чехол с прицела «винтореза», задержать дыхание, чтобы ствол не шевельнулся, и нажать спусковой крючок в нужный момент так, чтобы пуля попала точно в цель? Для этого нужно особое умение. Умение терпеть. Умение терпеть – это главная и самая сложная часть работы спецназовца ГРУ. И вырабатывается такое качество годами тренировок.

Группа в казарме проверяла «подснежники» – средства связи. Маленький наушник вставляется прямо в ухо, к ушной раковине крепится легкий пластиковый кронштейн-пружина, доводящий до уголка рта миниатюрный микрофон. В работе это удобно. Если только не рукопашный бой. В рукопашке аппарат связи легко сломается от любого случайного удара. Кроме того, он достаточно заметен и непригоден для скрытого ношения. Поэтому четверем «милиционерам» придется обходиться без связи. По крайней мере, до того момента, когда пресекут попытку захвата заложников.

Разин дождался, пока «подснежники» уберут в чехлы-упаковку. В том числе и его прибор, проверенный майором Паутовым. И только после этого из дверей штабной комнаты дал команду:

– Прошу всех к столу. На завтрак у нас продукт аэрокосмической съемки. Карта передана мне под роспись. Поэтому попрошу обращаться аккуратно и грязные пальцы об нее не вытирать.

Группа склонилась над картой, пальцы, похоже, у всех чистые, потому что сразу «загуляли» по тропам и тропинкам. Началось обсуждение.

– Я бы здесь с удовольствием «подсел». С трех сторон кусты закрывают... И бруствер из камней, словно руками, выложен...

– Низко. Обзор маловат. Они же не знают точно, где амбулатория остановится...

– Это-то нам и на руку. Если раньше времени точки займут, ищи их потом... Может, и займут, только не те, которые нужно. Лекари заранее объявили, что встанут посреди села...

– Значит, будут срочно перебазироваться. Нам в это время самая работа...

– А не получится так, что вы себе место облюбуете, а они точно туда и двинутся? У кого-то там, я слышал, вкусы сходятся... То ли у снайперов, то ли еще у кого-то...

– Всякое может быть...

– Мне вообще кажется, что они рассеиваться не захотят. Парой засядут.

– Вам тоже парой надо.

– А если не засядут? Если захотят широкий обхват сделать?

– Конечно, при незнании дислокации требуется как можно более широкий сектор обзора.

– Значит, не парой садитесь!

Пошел обычный рабочий «треп», без которого не может обойтись ни одно обсуждение предстоящей работы. Но этот «треп», несмотря на традиционные подкалывания и подзуживания, всегда позволяет выяснить все возможные и невозможные варианты, которые один человек или даже сработавшая пара не в состоянии так быстро просчитать. Сколько людей, столько и характеров. И характер каждого предполагал свое поведение в определенной обстановке. Собственное поведение и поведение противника.

Подполковник послушал, кивнул, сам вставил несколько фраз, давая дополнительное направление для обсуждения, и пошел заказывать машину для первой пятерки – они готовы к автономной работе.

2

Шерхан сел и потрогал рукой плечо. На пальцах осталась кровь. Стало жалко пальто. Хорошее пальто. Он привез его из Англии, где, как известно, шьют лучшую мужскую одежду. Но боль от ранения оказалась не сильной, хотя чувствовалось жжение во всем плече.

Охранник вышел первым, так и не выпустив из рук «узи». Обежал машину вокруг и услужливо открыл дверцу, протягивая руку, чтобы помочь выйти. Правильно сделал. Соображает. Ранение в правое плечо. Он открыл левую дверцу. Правую руку Шерхан и протянуть бы не смог. И смотрел охранник при этом больше по сторонам, чем на министра. Подбежали санитары. Не слишком торопясь, подошли два врача. Милиционеры на крыльце продолжали осматривать больничный двор – ствол автомата вместо третьего глаза.

Шерхан вполне мог бы обойтись без посторонней помощи. «Но из такого ранения вполне можно сделать себе хорошую рекламу», – быстро пришла мысль. И он решил делать ее, изображая страдающего. Машину покинул с помощью охранника и санитаров. Его тут же попытались уложить на носилки, но какое-то движение за раненым плечом заставило Шерхана обернуться. Придерживаясь свободной рукой за машину, а из второй по-прежнему не выпуская «узи», начал оседать на землю охранник. В сумраке осеннего утра Шерхан увидел, что у парня все плечо и шея в крови. Ему, похоже, досталось больше, чем министру.

– Его... – показал Шерхан на охранника.

Санитары и без подсказки стали укладывать раненого на носилки. Понесли, а сбоку пошел Шерхан, придерживаясь за те же носилки левой рукой. Сбоку его взял за талию врач. Не сильно, просто страхуя и показывая свою услужливость.

В приемном покое оказалось пустынно, остро пахло медикаментами и кровью. Показалось, что этот запах заполнил все помещение. Только пройдя в операционную для осмотра, Шерхан понял, что чувствует в дополнение ко всему и липкий запах собственной крови.

Откуда-то появились две медсестры. Заспанные, ленивые. С него сняли пальто, пиджак, развязали галстук и сняли сорочку. Из соседней операционной вышел врач.

– Через неделю в волейбол можно играть! – с первого взгляда оценил ранение. – Кусок мяса из дельтовидной мышцы вырвало. Это быстро зарастет.

– Почему в волейбол, а не в футбол? – спросил Шерхан, морщась от прикосновений к плечу жестких чужих пальцев и какого-то металлического щупа.

– Потому что в футбол руками не играют, – ответил врач. – А дельтовидная мышца отвечает за возможность поднимать и опускать руку. Как в волейболе. Я сам когда-то в волейбол играл... Мы сейчас зашьем рану, перевяжем и проводим вас в палату...

– Вы говорите, ранение неопасно?

– Пустяк!

– Тогда я поеду на работу. У меня сегодня трудный день. Смогу я работать?

– Да... Небольшие неудобства почувствовать будете, не без этого. Но вашему охраннику досталось больше. Он прикрыл собой водителя. Стреляли первоначально, видимо, именно в

водителя. Чтобы машина остановилась. Если бы остановилась, и вас бы изрешетили. Парню четыре пули досталось. Две в плече сидят, две в бронежилете на груди. Бронежилет, конечно, спас, но ребра переломало. Кашлянуть не сможет. С такой работой тяжелый бронежилет носить надо... Тот бы и ребра спас...

Шерхан вообще не знал, что охранник в бронежилете. Следует, пожалуй, и себе такой же приобрести.

Рану зашипало. Острый запах йода одновременно ударил в нос. Потом перевязка. Вообще-то это была даже не перевязка. Просто наложили на рану тампон с какой-то мазью, сверху заклеили пластырем.

– Может, бинтом притянуть? – спросил Шерхан.

– Бинт и вам мешать будет, и сам не удержится в этом месте.

С бинтом ранение казалось бы более основательным. Но можно и так обойтись. И впечатление произвести. Только совсем другое. Впечатление мужественного человека. В голове сразу созрел план.

– Спасибо, – вежливо сказал Шерхан.

– Не за что, – ответил врач. – Не скажу: «приходите еще...» Я посоветовал бы вам полежать сегодняшний день. Работа всегда может подождать. Никто вас за это не осудит.

– Нельзя. Сегодня решается вопрос с подачей тепла в город. Без меня его решить не смогут. Люди мерзнут... – имиджевый план начал работать.

– Да, – согласился врач. – В квартирах холоднее, чем на улице...

Уже без посторонней помощи, но изображая человека, пересиливающего боль, он вышел в приемный покой. Медсестра вынесла одежду. Здесь уже стояли милиционеры из машины сопровождения. Смотрели с любопытством и чуть-чуть виновато.

– Не поймали?

– Они сразу ушли. По рожку отстреляли и ушли. «Перехват» объявили, но это бесполезно...

Шерхан посмотрел на свою сорочку. И достал из специального кармана пальто «мобильник». Набрал домашний номер. Трубку не брали долго. После его ухода жена отправляет в школу детей, а сама ложится досыпать. Любит спать утром. Наконец трубку взяла мама.

– Мама, – сказал Шерхан спокойно. – Сейчас приедет машина. Дай им для меня чистую сорочку, серый костюм и старое пальто.

– Зачем это? – Мама еще не проснулась полностью.

– Так надо, мама. Мне необходимо переодеться.

– Зачем? – Она продолжала настаивать.

– Это не телефонный разговор... – он специально произнес эту фразу многозначительно. Мама наверняка подумает, что это как-то связано с ночным визитом Бату. И не будет расспрашивать.

Так и произошло.

– Пусть приезжают.

Разговор шел в присутствии милиционеров. Они тоже сумеют оценить поведение министра, который после покушения и ранения не желает волновать мать и намерен отправиться на работу.

– Пошлите ко мне домой машину. Не мою... Чтобы не видно было следов пуль. Ни к чему волновать... Пусть привезут мне одежду.

Старший милицейского наряда кивнул и вышел.

За окном уже рассвело. Судя по утру, день обещал быть пасмурным.

Дождаясь возвращения милиционера, Шерхан заглянул во вторую операционную. Его не решились окрикнуть и вернуть. Таким образом, министр сумел дойти до самого операци-

онного стола, на который положили охранника. Две деформированные пули, извлеченные из плеча, уже лежали в металлическом, формы перезрелого боба, блюдецке.

Он встретился взглядом с парнем, кивнул ему подбадривающе. Но говорить ничего не стал. Сразу вышел.

Маленький знак внимания. А парню это запомнится надолго. Может быть, на всю жизнь. И приобрел таким секундным вниманием надежного союзника. Хотя даже не знает, как того зовут. Это и неинтересно. Все равно не запомнит...

* * *

В Доме правительства уже, похоже, знают о том, что случилось. На крыльцо вывалила охрана. Все вооружены. Сейчас Шерхан понял, что даже под гражданской одеждой у охранников бронежилеты. Смотрят с легким удивлением. Понимают, другой после покушения и ранения вернулся бы домой отлеживаться. Почти каждый должен так поступить. Даже и без ранения. Просто после нервного стресса.

Точно таким взглядом, как охрана, встретила Шерхана и секретарша. Удивляется. И даже легкий ужас в глазах. У нее у самой убили мужа год назад. Он тоже служил в охране, только в президентской. Должно быть, секретарша пытается понять состояние министра и через него ощутить состояние мужа тогда...

Он поздоровался и прошел в кабинет. Привычно выложил из портфеля на стол бумаги, к которым, естественно, дома даже не прикасался. Взгляд упал на рабочий блокнот, куда вечером на совещании делал записи. Блокнот отложил в сторону. Сел за стол, но взгляд опять на блокнот упал. И какая-то мысль зацепилась за него, не желая отпустить. Не понимая еще, что следует сделать, Шерхан открыл блокнот на последней исписанной страничке. Обратил внимание на свои пометки.

Ремонтные трубы...

Ремонтные трубы... Это он записал, не думая о том, что делает, потому что мысли были заняты звонком Батухана. Сейчас начал вспоминать подробности разговора. Не отгрузили трубы... *Он обещал позвонить и выяснить сам... Что здесь необычного?* Почему эта запись вызывает беспокойство?

Шерхан перелистнул страничку, просмотрел предыдущие записи. Нет. Там все ясно. Вернулся к последней странице и догадался, что здесь есть какая-то зацепка.

Зацепка?...

Какая зацепка?... За что он хочет зацепиться?...

Покушение! Это связано с покушением?

Шерхан решительно достал записную книжку, нашел нужный московский телефон и начал звонить сам, минуя секретаршу, чтобы не подпускать к информации посторонних.

– Как так? – не поняли его в Москве. – Все отгружено полностью. Шесть вагонов. Минутку, я посмотрю в компьютере... Так... Так... Вот, нашел... Да, и подтверждение получения от вас пришло. Три дня назад. За подписью вашего заместителя. Так что у нас перед вами никаких долгов нет. Трубы кондиционные. Рекламаций выписано не было. Я не понимаю ситуацию. Разбирайтесь у себя сами...

Вот теперь все встало на свои места. Теперь стала очевидной и необходимость не допустить его до этого звонка. Как неаккуратно вчера сказал!.. Пообещал сам выяснить. Вот и выяснил. И хорошо еще, что покушение готовилось так спешно. Если бы имели в запасе хотя бы день, вполне смогли бы подготовиться лучше. Теперь не стоит ждать звонка из МВД. Пока они раскачаются...

Шерхан набрал номер премьера. Секретарша сказала, что премьер очень занят. Шерхан назвал себя, просил связать его с премьером, как только тот освободится.

– Извините, я не узнала вас по голосу... Он сам просил вас найти. Я пять минут назад звонила, вас еще не было. Приходите, вас ждут...

Шерхан собрал в отдельную папочку для докладов необходимые документы. Да, теперь у него есть возможность обезопасить свои тылы. Этого требуют элементарные меры самозащиты. Заместитель давно собирает на министра слухи. На эти слухи есть чем ответить.

Он уже хотел покинуть кабинет, когда зазвонил «прямой» телефон. Пришлось вернуться и взять трубку. Этот номер известен далеко не всем. И звонить могут только по важному делу.

– Шерхан Алиевич! Здравствуй!

Шерхан узнал голос министра внутренних дел.

– Здравствуй.

– Как самочувствие?

– Лучше, чем кому-то хотелось бы...

– Вот поэтому я и звоню. Мы задержали одного из нападавших. Он ранен. Наши менты дважды его подцепили. Так, уголовник... Даже не боевик... Заказ к ним поступил среди ночи. И знаешь, кто заказчик?

– Знаю, – сказал Шерхан. – Мой заместитель.

– У тебя, я вижу, собственная следственная бригада есть?

– Я его просто вычислил.

– Я уже предупредил премьера. Он дал охране команду на арест. Сейчас и наша бригада подъедет. А ты сам-то отдохнул бы... После пули в плечо трудно на делах сосредоточиться.

– Я отдохну. Когда дела сделаю... Они не смогли меня остановить вовремя, значит, я дела сделаю...

ГЛАВА 6

1

– Через полтора часа, товарищ подполковник, никак раньше не получится, – сказал капитан, с носом цвета тормозной жидкости, командир автороты. – Вообще-то машина есть и сейчас, но все БТР в разгоне. А без прикрытия выпустить машину я права не имею.

– Годится, – Разин посмотрел на часы, прикидывая время на развертывание. Вернее, прикинуто оно уже давно, и сейчас осталось только сверить прикидки с реальным временем. – Даже лучше будет, если через два с половиной часа. Я беру полчаса запаса на случай, если с машиной или с БТР что-то случится в дороге. Прокол колеса или маленькая перестрелка... Устроит?

– Вполне. Тогда я дам команду основательно подготовиться. Назад транспорт будет возвращаться, как я понимаю, ночью.

– Да, если будет возвращаться. Или пусть лучше где-то заночует. На ближайшем блокпосту. Сами знаете, что такое ночные дороги.

– К сожалению, с этим встречался лично... – капитан показал руку, где кожа на тыльной стороне ладони сохранила следы ожога. Должно быть, довелось слегка «поджариться» в машине. – Мы прикинем варианты с ночлегом.

– Обеспечьте их сухим пайком на двое суток. Вполне вероятно предположить завтра во второй половине дня или послезавтра развертывание несколько больших сил. Машины могут на месте дожидаться команды.

– Меня пока не предупреждали относительно завтрашнего или послезавтрашнего дня.

– Этого еще никто не знает. Вы и я. И ваш командир части. Надеюсь, что никто пока и не узнает. Я даже попрошу вас как-то замаскировать подготовку, если такая необходима.

– Есть, производить замаскированную подготовку, товарищ подполковник.

– В остальном, что касается сегодняшнего дня, мы, кажется, обо всем точно договорились. Вы знаете, где нас найти.

– Знаю, товарищ подполковник. Через два с половиной часа машина вместе с БТР будет ждать вас у КПП. Я пришлю вестового с предупреждением.

– Сразу приготовьтесь дополнительно. Завтра в одиннадцать ноль-ноль, вероятно, выезжает еще одна группа. Командир части в курсе дела. Это недалеко. Назад привезете других пассажиров. Вся поездка в два конца займет три часа.

– Я понял. Мы подготовимся.

Разин пожал капитану руку.

Два с половиной часа... Нормальное время на сборы. Как подполковник Разин и рассчитывал.

Вообще-то машину полагается заказывать за сутки. Но, в целях соблюдения секретности передвижения группы спецназовцев, Разин сумел договориться с командиром внутривойсковой части о сокращении срока заявки – работа почти в тревожном режиме. Сейчас же он сообщил о завтрашней операции только для того, чтобы не пришлось ждать и опоздать с выездом. Плохо, конечно, работать, опираясь на чужую материальную базу и не зная, в чьи уши может попасть весть о выезде группы, но ничего не поделаешь, если таковы реалии. Как ни крути словами политики, а это настоящая гражданская война... И здесь свои законы, свои методы разведки...

Разин вернулся в казарму. Уже у дверей его остановил звонок сотового телефона.

– Слушаю, подполковник Разин.

– Товарищ подполковник. Это капитан Страхов.

– Да-да... Слушаю вас, Николай Николаевич.

– Я сейчас был у шефа. Недалеко от предполагаемого района ваших действий попала в засаду большая группа боевиков, идущая маршрутом в Грузию. Часть уничтожена, часть сумела прорваться. Шеф хотел привлечь вас для поисков. Я вынужденно объяснил, что вы заняты проведением своей операции. На всякий случай имейте в виду. И будьте осторожны. Я не уверен, что ушедшие боевики сразу двинутся прежним маршрутом. Вероятна их встреча с Дзгоевым, и тогда вашу группу могут ждать неожиданности.

Сообщение не обрадовало.

– Сколько человек прорвалось?

– Около двадцати.

– Хорошо. Спасибо. Мы будем осторожны.

Если вместе с Батуханом на «рандеву» с врачами придет еще хотя бы пять человек, это до предела осложнит ситуацию. «Милиционеров» будет всего четверо. Однако привлекать в операцию спецназа посторонних недопустимо. У сработанной группы есть понимание действий друг друга. Группа – это единый организм. Как у человека одна рука действует с помощью другой, и действует правильно, тогда как помощь посторонней, третьей руки, даже в отдельности сильной и умелой, но чужой, иногда мешает, так и в боевой обстановке помощь лишнего ствола может оказаться помехой. Даже хороший спецназовец, имеющий отличную боевую выучку, может оказаться помехой, если он не «притерся» с партнерами. Это проверено. Именно поэтому любая группа, согласно инструкциям ГРУ, перед допуском к боевым действиям тренируется не менее двух месяцев в полном составе. Иначе нельзя.

Отказаться от операции, запретить выезд австрийских врачей – это еще хуже. Это вообще полный срыв задания. Последняя возможность заманить в ловушку Батухана Дзгоева... Последняя возможность выручить заложников из плена... Надежды на то, что пограничники задержат банду на границе с Грузией, нет никакой. Никто не знает, какими тайными тропами ходит Батухан.

Значит, отказываться нельзя!

Разин зашел в штабную комнату, где работа за картой уже закончилась и первая выступающая группа завершала экипировку: бойцы облачались в нижние трикотажные костюмы из верблюжьей шерсти – подарок иорданского спецназа, с которым недавно проводили совместные учения. Тогда Разину трудно было сообразить, зачем такие теплые вещи входят в комплект обмундирования солдат жаркой арабской страны. Майор, командир иорданского отряда, объяснил, что зимней ночью в пустыне бывает холоднее, чем на Северном полюсе. Верилось в это с трудом. Вернее, верилось только в то, что этот майор никогда не бывал на Северном полюсе и даже за полярным кругом морозца не нюхал. Но подарок был принят с благодарностью. И уже опробован в командировке прошлого месяца. Очень тепло, предохраняет от переохлаждения, и единственная жалоба поступила от Парамоши.

– Эти иорданские кальсоны, господа мужики, слишком наэлектризованы, и потому до невероятных пределов поднимают мою потенцию. А в условиях оперативной безжалостной безженственности это, признаюсь, чрезвычайно опасно... Я испытывал желание напрочь забыть боевую задачу и сломя голову бежать до первого населенного пункта, где обитают особы женского пола...

Но тогда, в прошлую командировку группы, еще не наступили настоящие холода. Сейчас для таких костюмов подошла самая пора, и подарку иорданцев можно только порадоваться.

Командир осмотрел группу придирчиво. «Винторезы» снайперов с зачехленными прицелами стоят в полной готовности, прислоненные к стенке. Здесь же автоматы с запасными рожками. Свое оружие в спецназе проверяет каждый боец самостоятельно. Это почти то же самое, что парашют, с которым не прыгают, если он собран чужими руками. Хочешь жить, будешь к

оружию внимателен и уважителен. И если командир будет оружие проверять, то покажет, что на своих бойцов мало надеется.

Разин на своих надеется всегда. Нет ни одного не проверенного в деле.

* * *

Задние боковые места в «уазике», как и боковые места в плацкартных железнодорожных вагонах, не любит никто. В боевых условиях с боковых мест трудно выбраться. Тем не менее одного человека, которому следовало, согласно оргплану, последним покинуть машину, поместили именно там. Чтобы почувствовал жесткость рессор и неровности дорожного покрытия. Как всегда, согласно действию «закона бутерброда», такое место досталось Парамоше. Он, впрочем, к подобному давно привык и не возражал.

Разин, выводя группу, дал последние предупреждения и наставления:

– Мне сообщили из местного отдела ФСБ, что недалеко от «наших» мест была окружена банда, пробивавшаяся в Грузию. Части боевиков удалось прорваться. При случайной встрече с ними в бой не вступать. Они нас интересуют мало. Если увидите преследуемых и преследователей, с последними в контакт тоже не вступать и себя не обнаруживать, даже если увидите, что преследование идет не в том направлении. Придерживаться – строго! – собственной задачи. Еще одна неприятность... Есть вероятность соединения этих боевиков с группой Меченого. Тогда к выездной амбулатории может прийти не десять боевиков, как мы прикидывали, а пятнадцать или двадцать. Хотя и есть у меня желание надеяться на жадность Батухана, который делиться выкупом не пожелает и не возьмет новичков на захват. Тем не менее предусмотреть это стоит. В этом случае снайперам придется взять на себя основную работу. Покажите, ребята, скорострельность. Разведчики в любом случае к нам не приближаются. Выполняете свою задачу. Если мы по каким-то причинам не выходим в преследование, работаете автономно. Тогда снайперы присоединяются к вам. Связь поддерживайте постоянную. У нас связь будет только из машины. При приближении боевиков я жду сообщения. При визуальном контакте связь придется прервать. Все ясно?

– Ясно!

– Вопросы?

– Вопросов нет.

– Как только закончите выгрузку, сообщите, – кивнул Разин на радиостанцию, установленную на передней панели машины.

– Обязательно, – капитан Ростовцев, занявший сиденье рядом с водителем, протянул на прощание руку.

– С богом!.. Постарайтесь ночью не зачоченеть...

Разин проводил машину глазами, воровато оглянулся и сунул в рот вторую за день маленькую таблетку. Привычно задавило в барабанных перепонках, и верх головы словно бы поднялся на десяток сантиметров, но через три секунды восстановилось нормальное состояние. Подполковник пошел в казарму, где его дожидались оставшиеся с ним бойцы группы – майор Паутов, капитаны Решетников и Юрлов.

2

Шерхан, естественно, не сомневался – премьер отлично знает, что на министра строительства утром было совершено покушение. И именно поэтому он захотел увидеть министра как можно быстрее. Он знает точно так же, как сам президент, что ситуацию необходимо использовать. Ее необходимо было использовать в любом случае, остался министр жив или нет. Остался – значит, случай счастливый. И можно его тоже раскрывать. И даже более эффек-

тивно. Избежав недавней опасности, Шерхан уже был доволен, что это покушение произошло. Оно создало ему некоторый ореол значимости, сделало фигуру более заметной. Хорошо бы еще связаться с кем-то из журналистов, чтобы по нескольким каналам Центрального телевидения передали интервью с ним, но инициатива при этом должна исходить не от него, пострадавшего. Тогда его имя прозвучит на всю страну. Но Шерхан знал, что одноразовое произнесение имени даже на ведущих телеканалах даст мало. Необходимо, чтобы этот случай стал более весомым, чтобы имел политическую значимость. А в действительной подоплеке событий сомневаться, зная своего заместителя достаточно давно и хорошо, не приходилось. Тот, бывший снабженец, привык торговать материалами – всю жизнь этим занимался. И просто приготовился продать ремонтные трубы, если уже не продал. Скорее всего, оптом, как это делается обычно, какой-то подставной частной фирме. Потом, когда обстановка с трубами накалилась бы до предела, он за счет бюджета выкупил бы втридорога эти трубы у фирмы. А разницу положил бы в карман. Так везде и всегда в Чечне делается.

А тут обещание Шерхана позвонить в Москву и выяснить ситуацию. Мимоходом сказанные слова, только чтобы побыстрее закончить совещание и отправиться домой, где предстояла беспокоящая встреча с братом. Никогда раньше министр не брал на себя работу подчиненных. А тут решил взять. И эти слова прозвучали, видимо, угрозой. Что это – проверка?... Непреднамеренно Шерхан попал в цель.

Теперь, когда ситуация достаточно ясна, следует воспользоваться ею и сделать из воровства политическое дело.

В коридорах Дома правительства людей оказалось столько, что создалось впечатление – они специально вышли из своих кабинетов, чтобы посмотреть на министра и пожать ему руку. Шерхан и этим умело воспользовался. Он старательно излучал приветливость, готов был улыбнуться каждому, даже малознакомому чиновнику неизвестно какого министерства, и при этом протягивал для пожатия не правую руку, а – чуть стесняясь собственной неловкости! – левую. В правой же держал, даже не зажимая до конца пальцы, папочку с документами, и при этом рука висела безжизненно. Это выглядело так, что рана мешает министру работать рукой. Хотя в действительности он почти не испытывал боли. Так, пустяк, на который обращает внимание только ребенок...

В приемной премьера очередь. Даже стоят двое – стульев на всех не хватает.

Шерхан повел себя скромно. Встал у стены, но не с краю, а ближе к центру. Чтобы его было заметно. Секретарша, естественно, заметила сразу. Поздоровалась с приветливой, чуть не извиняющейся улыбкой.

– Стул, пожалуйста, освободите... – сказала недогадливой очереди.

Стул освободили сразу. Тоже, должно быть, уже наслышаны.

Секретарша пошла в кабинет премьера. Вернулась через несколько секунд:

– Вас просили подождать.

Недовольно поморщился какой-то полковник. Этот раненых, похоже, не уважает. Может быть, сам не знает, что такое ранение. Как, впрочем, и другие здесь сидящие. Боевиков здесь нет. Но выражение лица полковника не понравилось Шерхану и даже слегка испортило настроение. Но все остальные в приемной прекрасно понимают, что это покушение значительно возвысило Шерхана Дзгоева над всеми другими министрами. Уже возвысило, а что будет позже...

Открылась дверь, и вышли четверо офицеров. И сам премьер показался в дверном проеме.

– Заходите, Шерхан Алиевич, – пригласил, сопровождая слова жестом.

Шерхан прошел, а премьер выглянул наружу, осмотрел очередь и покачал головой:

– Извините, нас с министром строительства срочно вызывает президент. Я никого не смогу принять...

– А когда вернетесь? – спросил полковник, заложив руки за спину.

– Думаю, что не раньше обеда. Чрезвычайные обстоятельства!

Никто не посмел возразить, только полковник опять поморщился.

Премьер закрыл дверь.

– Как себя чувствуете, Шерхан Алиевич? – спросил, внимательно глядя в глаза.

– Сказать, что прекрасно, значит, обмануть... – Шерхан улыбнулся чуть не виновато.

Премьер показал рукой на стул. Сам уселся не за свой, а напротив министра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.